

10 Března 1931. **Volné Kozáctvo** Ročník IV.

76

10-го марта 1931 г. 10-го березня 1931 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый РІК ВИДАННЯ 4-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *А. Персидсков:* *** Стих. (Verše).
2. *Петр Закрепа:* *** Стих. (Verše).
3. *Оксана Печеніг:* *** Вірш. (Verše).
4. *И. М. Назаров:* Весенняя ночь. (Jarní noc).
5. *Константин Шариков:* Матери. (Matce).
6. *Ив. Томаревский:* Журавли. (Volavky).
7. *В. Седов:* Приятелю. (Přiteli).

---

8. Корень расхождений. (Kořen nesouhlasů).
9. *А. Ленивов:* К годовщине Степного Похода (19[12]/п18—19[12]/п31). (Výročí Stepního tažení).
10. *Д. Воротынский:* Мироновщина. (Mironovščina).
11. *С. Балыков:* Восточные соседи Казачества. (Vychodní sousedé kozáků).
12. Atef: Ю. Ф. Гончаров, как поэт. (Gončarov jako basník).
13. *В. Куртин:* Последний голос. (Poslední hlas).
14. *Н. Нечуй-Левицкий:* Они и мы. (Oni a my).
15. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
16. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
17. В Казакии. (V Kozakii).

Почтовый ящик.

Париж. — И. С. — Будет напечатано в следующем номере. Привет.

Германия. — А. Т. — Хорошо. Привет.

Перу. — К. С. — Таких курсов в Праге уже нет. Да и нигде их нет, так что помочь Вам в этом не можем. Привет.

Франция. — А. И. — Получено. Привет.

Болгария. — Н. Е. — Получено. Привет.

Болгария. — В. Л. — Пишите по старой орфографии, но только разборчиво, мы потом исправим. Привет.

Франция. — П. Н. — Получено. Привет.

Франция. — В. М. — Просьба исполнена. Привет.

Париж. — И. Е. — Будет помещено в следующем номере. Привет.

Франция. — А. Л. — Получено. Привет.

Париж. — Ш. Б. — „Несколько слов о Б. Манг." будет помещено в следующем номере. Привет.

Нью-Йорк. — М. Ч. — Получено. Привет.

Болгария. — Н. П. — Будет помещено в следующем номере. Привет.

Париж. — А. Т. — Получено. Привет.

Болгария. — С. Г. — Будет помещено в следующем номере. Привет.

Югославия. — А. Ч. — Получено. Привет.

Франция. — В. С. — Поможем, когда будет возможность. Привет.

В. Бечкерек. — К. П. — Получено. Привет.

Югославия. — И. Н. — Получено. Ответ — письмом. Привет.

Австралия. — Ф. К. — Получено. Привет.

Франция. — Н. И. — Получено. Привет.

Югославия. — К. М. — Просьба исполнена. Привет.

Белград. — В. К. — Получено. Привет.

Польша. — Инж. М. — Получено. Привет.

Визовице. — Н. И. — Сделаем, что сможем. Привет.

Харбин. — А. Г. — Получено. Привет.

Болгария. — П. К. — Хорошо. Привет.

Харбин. — П. К. — Получено. Спасибо Ф. С. Впредь журнал ему будет посылаться бесплатно. Корреспонденция будет помещена в следующем номере. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво":

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**

В БРАТИСЛАВЕ: **А. Л. Персидсков.**

В ЮГОСЛАВИИ:

А. А. Гейман. Зајечар.

Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).

А. Чекин. Крагуевац.

П. Апостолов. Скопље.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 58. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 32).

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 29, m. 7. Warszawa.

Вл. Еремеев. W. P. Wł. Ieremiejew, Grajewo, ul. Boguszewska 5, m. 1.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski", ul. Niemecka, 1, Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицький. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

ВО ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 1, rue Vautier, Joinville le Pont (Seine).

M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B." Paray le Monial (Saone et Loire).

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons, par la Tour Blanche.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово — гара. Видинско.

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров, 3.

Н. В. Аниканов. Княжево-Софийско, б. Ц. Борис, 85.

Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine 2287 Columbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

Вольное Вільне Козацтво Казачество

Волнé Козáктво — Les Cosaques Libres

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazi 10 a 25 každého měsice).

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Fochova, 130. Tchécoslovaquie.

№ 75 *Вторник, 10 марта, 1931 — Вівторок, 10 березня, 1931.* № 76

Алексей Персидсков.
(*Братислава*).

* * *

В жизни много я горя узнал, —
Топором не прорубишь проседь...
Счет годам я давно потерял,
За плечами дождится осень.
Много дум пролетело черепом;
Много песен пропел язык.
Вдоль по музгам да по ерикам
В жизни вольной ходить привык.
Оглянусь на давно забытое —
Загорятся глаза огнем...
Где вы, кости дедов, зарытые
С шашкой бранною да конем?

Петр Закрепа. (*Швейцария*).

* * *

Мы прошлы сны едва ль найдем —
О них не грезим мы ночами, —
Суровой явью отживем,
Пройдем тяжелыми следами.
Закалена, как сталь, душа,
И сердце, сердце стало — камень!
От юных дум себя леча
Мы затушили чистый пламень.
Как жертве, — нам привычен гнет,
Чужих грехов посильно бремя
И долго, долго не сотрет
Оковных дум лихое время!..
Но где то там в глуби, без слов
Таится бунт глухих восстаний...
...Нам не найти прошедших снов,
Нам не обресть былых мечтаний.

Оксана Печеніг. (*Прага*).

ДОЛЯ.

Край віконця
світить сонце —
Виростає
та буяє
Калинонька
моя доня;
Доглядаю,
підливаю
Кожну днину
що годину...

Повернися, доле, з бою,
Повернися з поля, з поля
Доле моя, доле!..

Ранком раннім
в'яне — в'яне
Моя доня
Калинонька...
Чорний ворон
з поля бою
Чорну долю
ой, ворожить...

Садовила я калину край вікна,
Доглядала, підливала, ой, щодня...
Чей квітками розів'ється, не засхне?
Чей не ляже милий в бою — поверне?
Ой, калина зеленіла на весні;
Зеленіла... та зів'яла в осени...
Засихає листовиння край вікна —
Помирає милий в полі... Я — одна...

1930 р.

И. М. Назаров. (*Княжевац*).

Весенняя ночь.

Средина апреля 18-го года. Тихие весенние дни раскинули по степи свои зеленые с цветочками краски. Поднялась трава, — уже кланяется земле под игрою весенних утренников. Выравниваются молодые хлеба, — по ним бегает шаловливая волна весеннего ветра.

И небо, как бирюза, с белыми пушистыми „барашками“, и чистый, чуть теплый, от степи воздух с запахом ромашки.

С высокого, обрывистого у Раздор, правого берега виднеется Дон, — тихий с зеркальной поверхностью. Круто подходит он, из-за Кочетовского колена, к Раздорским садам и ласков●, на другой стороне, белою песчаною косой, вливается в широкое займище.

Отряд „Черного дьявола“, после взятия Новочеркасска Фетисовым, стоял под Коныгиным. Соседние хутора Виноградный — Ольховский еще не были взяты,

в них держались большевики и, так как организация казаков не так скоро налаживалась, их не было возможности выбить. В эти дни этот уголок фронта активностью не отличался. Казаки ждали подхода резервов, а большевики, имея превосходство сил, не проявляли активности. Вот почему маленький партизанский отряд, поддерживаемый местными казаками, держал большевиков, привязанными к месту, как хороший сторожевой „овчар" держит стадо баранов.

Наступила ночь, тихая, весенняя, нежная; с гуконьем гусей высоко в облаках, со свистом по над самой землей диких уток. Веет теплом со стороны степных курганов, будто сторожащих горизонт слева, и чуть заметным холодком дышет в мир ночной туман от Дона.

Мрак сгущался, низко падал, как коршун к земле, широко распустив свои черные крылья. Темная безумная ночь набрасывала на степь свое мрачное покрывало. Чуть брезжут, будто боязливые звезды, из-за гуляющих под ними в безбрежном раздолье еще хмурых по зимнему тучь... И тихо кругом, лишь изредка — у „них", в тылу, раздается шальной выстрел, да залают иногда, едва слышные, собаки из Виноградного.

„В секрете", — на левом фланге отряда впереди окопов, — под кустом терна, — из под курганчика, — лежат три казака: начальник секрета урядник Роман Самохин с хутора Ольховского, выше среднего роста, прямые в линию плечи, резкий, тонкий в талии стан, соразмерно длинные кавалерийские ноги; голова маленькая, как у орла, гордо вскинутая вверх, с вырывающимся из под папахи характерным донским чубом. Серые выразительные глаза, с прямым, будто чуть угрожающим взглядом. Продолговатый овал лица, с выражением смелой жизненной энергии и стальной воли, которая родилась на Дону давно, — с глазами Степана Разина и живет там до сих пор, отражаясь в лицах избранников его духа. На Покров Самохину сравнялось 36 лет; он отслужил службу в полку и сейчас был в боях по своей охоте; в отряде Самохин — первый боец и по всему округу первый наездник; имеет три Георгия и все отважные поручения „Черный дьявол" — доверяет ему недаром. С ним в секрете Степан Аникин — его хуторянин: крупный, тяжелый артиллерист лет сорока, с темным загорелым лицом, черная борода с легкой проседью и чуть раскосые глаза — по калмыцкой породе от бабки. Третий — молодой, Кочетовской станицы, казак Семен Лозин; небольшой, худощавый; ему 22 года, только год был в полку и недавно вернулся. Лицо нежное, почти женственное, в редких веснушках, но глаза мужские и крепкое в бою сердце; недаром Самохин берет его с собой и твердо знает, что этот не выдаст. Тихо кругом в степи; еще тише в секрете; время позднее перед рассветом. Спят в казачьих окопах, кому полагается. Большевики, быть может, и все спят, оттого у них такая мертвая тишина: ни гармошки, ни выстрелов, ни брани. Секрет лежит в боевом порядке: Лозин — впереди на самом гребне кургана, Аникин и Самохин — на косогоре сзади.

Вдруг — шорох, в кустах впереди. Может заяц, — подумал Лозин, — однако, лучше сказать господину уряднику и он чуть слышно ударил ладонью в приклад винтовки; Самохин пополз вперед, приблизился к Лозину ухом к уху: Будто идет кто-то, — шептал Лозин беззвучно; — Возьми на прицел, не стреляй, слушай,— был ответ губами без звука.

Шорох повторился, но ближе: потом будто кто-то упал и снова тихо, ни звука.

— Идет один, — сказал Лозин Самохину.

— Не стреляй, жди.

— Слушаю!

Опять шорох быстрых шагов по траве и опять кто-то упал в бурьян уже близко к секрету.

— Один упал в бурьян, — прошептал Лозин.

— Нехай идет, пускай на дуло.

— Слушаю!

Через минуту какая то темная фигура выросла, как из земли, шагах в десяти, и пошла быстро чуть согнувшись. Лозин стал на колено и вскинул винтовку для выстрела.

— Не стреляй, — сказал Самохин вполголоса спокойно и тут же повелительно крикнул: „Руки вверх! или убью, как собаку". Револьвер сверкнул в его руке, курок нагана предупредительно щелкнул. Фигура шедшего вдруг остановилась. — Руки поднять ни с места, — сказал Самохин ледяным тоном и пошел вперед к нему медленно, спокойно, не спуская фигуру с мушки револьвера. — Повернись кругом, — сказал строго Самохин.

— Дык зачем жа, Роман Захарыч, — сказал из мрака чей то испуганный молодой, почти детский голос.

— Ты кто? — спросил Самохин фигуру в недоумении.

— Дык я жа Антошка Карпов, твой хуторянин, рази не узнаешь — сказала фигура, видимо улыбаясь, ибо в ночной темноте блеснули белые, как у волченка, зубы. — А я, Роман Захарыч, узнал тибе сразу, — продолжал, улыбаясь Антошка.

— Черт тебя узнает по такой ночи, — сказал Самохин с улыбкой. — Ты за каким же чертом пер на окопы?

— Я к вам, — сказал Антошка, видимо оживленный встречей со своими.

— А чего же ты к нам, — спросил его, оказавшийся тут же, Аникин будто недоверчиво.

— Как чего, Степан Романыч? — возразил Антошка обидчиво. — Я шел, значит, чтобы драться, а вы: чего да чего.

— С кем же драться, — спросил Самохин строго, с недоверием.

— Дык с вами жа, — простодушно выпалил Антошка. Его маленькая, сухощавая фигурка выпрямилась; детский голос принял уверенный тон. В маленьких, лукавых, быстрых и смелых глазах блеснула дерзость порыва.

— С нами драться? — сказал Самохин насмешливо. — Сперва ногами задрыгаешь с петлей на шее, а потом будешь драться с нами, понял?

— Так точно! — ответил Антошка чуть смутившись, но без страха и по-детски резонно. — Дык нет жа, Роман Захарыч, я, значит, насчет того говорю, что буду драться с вами напротив них, вот чего я говорю, а не чего либо другое прочее.

— Ну, молодец! — сказал Самохин одобрительно. И ты, значит, надумал драться?

— А то чего жа, — сказал Антошка, — слава Богу ведь мне минуло 17 лет; и он гордо вскинул свою детскую, кучерявую голову.

— А раньше чего не шел, — спросил Самохин с недоверием.

— Маменька не пущала, — ответил без запинки Антошка тоном, недопускающим никаких возражений.— Я бы, — продолжал он убежденно, давно убег, покарай Господь... Ан, значит, маменька все не пущала и не пущала: Благословения, говорит, не дам. — Ну я и не мог: как же без благословения.

— Это верно, — перебил его Самохин.

— А потом, — продолжал, чуть заикаясь, Антошка, — как, значит, дядю моего, Сергея Апатьича, расстреляли, она, маменька, и говорит: „Иди, Антоша, к нашим. Надо теперь всем иттить в окопы". Ну я с радостью и побег и вот дал Господь прямо на своих нарезался.

— А как же теперь? — спросил Самохин снова серьезно.

— Нет ничего легче, Роман Захарыч, — сказал Антошка самоуверенно, чуть с похвальбой. У них пост стоит „У пяти камней", а оттуда, как тибе известно, влево идет Борщовский ерик; тут перевал по бугру — самое опасное место; ан можно обойтить по рву выше Рябышикова сада; они этого не знают. Вот я и прошел, никто на меня ни разу и не тюкнул.

— Молодец, — сказал Самохин, одобрительно хлопая по плечу нового партизана, — лежи тут, в секрете, до утра, а как сменимся, пойдем к командиру.

Аникин стал на место Лозина; тот лег внизу на косогоре, а Самохин с Антошкой прошли в кусты, тут же близко легли и тихо беззвучно стали разговаривать про домашнее.

— Ну, что, как там у вас на хуторе? спросил Самохин Антошку.

— Не дай Бог, — ответил тот серьезно, что делают большевики.

— Они, — сказал Антошка, — с видимой вспыхнув-

шей в нем, злобой — расстреливают, грабят и пьянствуют с бабами; чего жа им больше делать.

— Кого расстреляли? спросил Самохин, с каким то невольным беспокойством в голосе.

— Во-первых, — сказал Антошка злобным шепотом, — расстреляли всех до одного хуторских выборных, хуторского атамана, Платона Сергеевича, попа Алексея, двух маленьких кадет офицерши Сулиной, генеральшу Морозову тоже убили и весь дом разграбили.

— А мои батенька и маменька живы? перебил Антошку Самохин с тревогой в голосе.

— Слава Богу живы, — сказал Антошка, — а вот дядя твой, Сафрон Дмитрич, и он запнулся.

— Что дядя Сафрон? сверкнул глазами Самохин.

— И его расстреляли проклятые, добавил Антошка со вздохом.

— Царство небесное, сказал Самохин, набожно крестясь и творя молитву. — Ну, проклятые, — шептал он потом, гневно сдвигая хмурые брови и грозя рукой по направлению большевицких окопов, — вспомните вы меня, Романа Самохина, как возьмем хутор...

Он замолчал, опустил голову и о чем то задумался. Антошка внимательно озирался по сторонам и молчал тоже.

— А как же моя жена? — вдруг сказал Самохин, в упор вскидывая свои орлиные глаза на Антошку.

Тот молчит, будто не слышал.

— Ты ж что оглох? спросил Самохин холодно, строго.

— Никак нет, Роман Захарыч, сказал Антошка... Я не понял, чиво ты сказал.

— Как моя жена? повторил тем же тоном Самохин и в голосе его звучала какая то новая, скрытая тревога.

— Да как тибе сказать, начал было вилять Антошка.

— Говори все и говори прямо, — сказал грозно Самохин, и если что есть, тоже говори, но говори правду, иначе... ты меня знаешь... И, как сталь, звучал его голос и, как нож, в нем блещет угроза.

Антошка секунду молчал, но видимо вдруг решился и начал: — Ты прости, Роман Захарыч, чиво греха таить, все знают в хуторе и я знаю, твоя жена Агафья Тимофеевна, гуляет с комиссаром.

— Вот как? сказал Самохин чуть с усмешкой, но голос его дрогнул, глаза вдруг вспыхнули и загорелись, как у волка.

— Почем ты знаешь, — сказал он глухо опять с усмешкой.

— Знаю, — сказал Антошка твердо, обдуманно. — Ты Верку Кокину знаешь?

— Кто такую стерву не знает, сказал Самохин.

— Так вот с ней то, с этой самой Веркой, Агафья Тимофеевна стала первой подругой; у ней чуть ни каждый день, и там, по ночам, гуляют с комиссаром, и еще одним, каким то ихним командиром.

Антошка замолчал, будто поперхнулся. Самохин тоже молчал. Выражение его красивого лица становилось страшным.

— Говори еще, что знаешь, — тихо, медлительно сказал Самохин, видимо подавляя какое то внутреннее бушевавшее в нем волнение.

— Знаю еще вот что, — продолжал вновь, будто читая по книге, Антошка. — Позавчера комиссар послал своего солдата в Константиновскую за водкой и дал три тыщи, чтоб купил всякой всячины, и вот в субботу под воскресенье будет у них гульба. Это я знаю от того солдата, что уехал за водкой...

— Дык это значит, — перебил его дрожащим шепотом Самохин, — что гульба будет этой ночью...

— Ну да, — чуть подумав, сказал Антошка. — Не этой, что прошла, а этой, что будет, сычас ведь утро субботы.

— Так и запишем, — сказал Самохин. Злобная улыбка прыгала на губах его и брови грозно сошлись над глазами. — А ты, Антон, сказал он явно с угрозой, — держи язык за зубами, никому ни слова, иначе у меня рассчет короткий...

— Знаю, Роман Захарыч, — отвечал Антошка серьезно. — Не сумлевайся... Сам понимаю... Тайна дело казацкое.

— То то же смотри, — отрезал Самохин. Он быстро встал, подошел к Лозину и лег с ним рядом.

Задумчивый, молчаливый, с мыслями будто кипевшими в голове, и бурей чувств, бушевавших в сердце, встретил Самохин весеннее утро в субботу. А на закате солнца, чуть окопы противника стали скрываться в первом мареве мрака, Самохин вошел в землянку вахмистра — Никандра Алубаева.

Высокий, красивый, полный, лет сорока мужчина, в расстегнутом мундире и надетой набекрень фуражке, сидел за маленьким походным столом на чурбане, вместо скамейки, и проверял листы провиантского довольствия. Револьвер лежал на столе рядом с чернильницей; близко в углу стояла винтовка, над ней висела теплая на лисьем меху поддевка, через нее на портупее — старая дедовская в серебре шашка; кругом стен на полу патронные ящики и консервы.

— Здравия желаем, Никандр Архипыч! — сказал Самохин, снимая папаху.

— Как дела? — приветливо ответил вахмистр.

— Как тебе сказать! — сказал Самохин с загадочной, чуть грустной, улыбкой. — Дела не плохи, а радоваться не чему.

— Есть какое дело или что? — сказал вахмистр, отрываясь от своей арифметики.

— Так точно, Никандр Архипыч, есть дело.

— Ну, говори, — смотря из под бровей, сказал вахмистр.

— Пусти меня в отпуск.

— Тю, — сказал вахмистр с улыбкой. — Какой же теперь отпуск! — Война... Бой... все люди на учете; думал ли ты над этим, Захарыч? — спросил он удивленно.

— Так точно думал, сказал Самохин твердо.

— Ну так что ж?

— А то ж! — снова как отрубил Самохин, — что нужон отпуск... и все.

Вахмистр молчал, будто взвешивая что то; молчал и Самохин.

— Дело, значит, такое што ль? — спросил, сдвигая брови вахмистр.

— Так точно: дело такое.

— Ну, дык, значит, — продолжал вахмистр, глядя в упор в глаза Самохину, надо доложить командиру.

— Нет! — твердо, решительно сказал Самохин. — Коли ты не пускаешь, командиру не докладывай.

— А как же? — спросил вахмистр.

— Да так, не надо и все.

— Что ж делать, я не могу, дело военное, ты понимаешь, — сказал вахмистр видимо с участием. — Да и насколько в отпуск?

— На одну ночь, — сказал Самохин. — Нынче я не в наряде; часа через два уйду, а к свету приду; если же не приду, — сказал он, будто подчеркивая каждое слово, — значит буду готов; вычеркните из списков и пеките пышки.

— Т-а-а-к, — протянул вахмистр сурово, медленно, — знаю я тебя, но пустить не могу, верь слову.

— Верю и понимаю, — сказал твердо Самохин, — я мог бы и так уйти на свою ответственность, но по порядку службы должен сказать.

— Ну, да нам с тобой друг друга не учить, сказал вахмистр задумчиво, — ты делай как надо, а я будто, значит, ничего не знаю и ведать не ведаю.

— Так точно, понял, — сказал Самохин с улыбкой, — прощай Никандр Архипыч. И, попрощавшись за руку с вахмистром, Самохин вышел.

Часа через два, темной безлунной ночью, когда седой туман от Дона, как пьяное чудовище, вползал в сады и терновые балки и над самой землей мрачно сдвинулись черные брови пасмурного неба, — Самохин, в полном боевом снаряжении: с винтовкой в руках, с револьвером и бомбой за поясом, быстро прошел мимо фланга окопов.

Через несколько минут он был на месте вчерашнего секрета и тут лег головой через гребень. Несколько минут лежал без движения, зорко глядя вперед и напряженно ко всему прислушиваясь. Был легкий гомон у „них“, где то не далеко.

Тихо поднялся, стал на одно колено, перекрестился и двинулся к ним, шагая быстро, чуть наклонившись,

без звука, как тень. Подойдя к бугру, он упал и пополз, как змея, чуть шелестя по влажной траве, дышавшей ему в лицо теплым чуть пьяным дыханием. Долго полз потом по бурьяну; он колол ему руки и царапал лицо острыми иглами. Вполз в терновый куст, обозначавший спуск в балку и со страшной крутизны, по откосу обрыва, бросился вниз, как камень. Стал на мягкой земле у самого ерика и оттер пот с пылавшего, как в огне, лица. Ериком, по воде, обошел непроходимый ряд тернов и двинулся дальше. „У пяти камней" (как говорил Антошка) стоит пост; брехни не оказалось. Тут видел их три чуть „мыреющих" через кусты тени. Прополз, как змея, через гребень и сбросился в балку. Вышел у Коныгина, обошел его далеко степью, вышел на Ольховскую дорогу и знакомым издавна путем пошел прямо по дороге. Версты четыре шел свободно. Но вдруг из за поворота бросился на него яркий блеск лучей из глаз автомобиля. Самохин упал, прополз в ров и там затаился. Сейчас же черное чудовище с огненными глазами пронеслось мимо. Силуэты нескольких винтовок мелькнули и скрылись, спеша в Коныгин. Самохин встал, вышел вновь на дорогу и двинулся дальше.

Около 10 часов ночи он подошел к родному хутору и лег недалеко от его окраины у выхода из Нагольной балки. Для начала дела, которое выбросило его сюда и которое огнем сжигало теперь его сердце, было еще рано. Он решил отдохнуть, все решить как и что и около 11-ти начать самое дело.

Так он лежал, как большая змея, поводя по сторонам головой, пронизывая мрак, горящими, как у волка, глазами. Весь обращенный во внимание и слух, весь об'ятый горячей внутренней дрожью. Лежал недолго, но часы показали одинадцать скоро. — Пора, — сказал он сам себе. Быстро поднялся и решительно двинулся вперед, вновь чуть наклоненный, каждую секунду во всем готовый к смертному бою. Несколько минут он шел хутором, по узкому переулку; дома были наглухо закрыты, даже собаки не лаяли. Его хуторяне спали. Вот и Веркин дом на краю переулка. Ставни снаружи закрыты, но в щелях свет.

— Тут не спят, не сбрехал Антошка, — подумал Самохин и в углах рта его скользнула загадочная улыбка. — Посмотрим, что делают, — сказал про себя Самохин и прыгнул через забор в сад, подходивший со стороны выгона к дому.

Едва он прошел несколько шагов тихо, как тень, скользя между деревьями, как вдруг он услышал звуки музыки. — Гармонь, так и есть — подумал Самохин, — значит, гульба, как сказал Антошка, и моя тут должно быть, — чуть ни вслух добавил он, крепко сжимая дуло винтовки.

Вот и крыльцо. Тихо он вспрыгнул и лег на нем, поводя головой из стороны в сторону. Готовый на все, как зверь, с сильно бьющимся сердцем подполз к окну. — Да, не брехня, мужчины и женщины, их несколько, пьяные голоса, поют большевицкое яблочко, тут и она, — чуть не вскрикнул Самохин, ясно услышав громкий выкрик одной из женщин в густом аккорде деревянных мужских басов, вторивших двум женщинам.

— Все так, как надо, — подумал Самохин и улыбка дикой неудержимой мести дрожала на губах его, как дрожит жало змеи в открытой пасти. Будто поднятый какой то новой силой, он стал у окна плечом к стене и глянул в щель. Занавеска извнутри была спущена, но в ней, как будто кем нарочно оставлено узенькое длинное отверстие. И он увидел: посреди комнаты, за срединой стола, с закусками, с бутылками и самоваром, какой то мужчина военный, пожилой, с черными чуть седыми усами, а рядом с ним в обнимку Верка. С другой стороны, спиной к Самохину, сидел другой мужчина лет тридцати и с ним она — жена Самохина. Смеется, поет звонким чуть дребезжащим голосом и чокается с ним; вся разнеженная, видимо сильно пьяная.

Как пламя, вспыхнула в груди казака безумная, безудержная, неугасимая злоба. Огненные круги забегали в глазах. Их залил мрак смешанный с кровью. — Крови, крови! — будто кричал в душе его кто то с неутомимой жаждой и не было сил ему противиться. С невероятной силой, будто на этот миг в нем нарочно родившейся, он рванул прогон, державший ставню, и выбросил его. Окно открылось настеж, как от порыва ветра. Удар приклада в окно разнес его, и в следующий момент, когда они все испуганно вскочили, все бледные с исковерканными от страха лицами, он бросил бомбу. С крыльца упал сам и лег к земле.

Часть стены рядом с ним вывалилась наружу. Там слышался стон.

Самохин вскочил на обломки крыльца страшный, как дьявол. Сквозь дым от бомбы, между пятнами крови, он увидел: старик был мертв, а Верка лежала через него накрест с оторванными ногами, а этот другой был ранен и поднимался с помертвевшим лицом, с глазами, как у телка. Сатанинская злоба сверкнула в улыбке Самохина; он вскинул револьвер и дал два выстрела; тот упал и протянулся.

— Готов, — вслух сказал Самохин и жадными глазами стал искать жену между убитыми, но ее не было. Ужас неутоленной мести на миг охватил его, как железный кошмар, и он, будто в бессилии, не мог двинуться с места. Но лишь на миг. По инстинкту волка, преследующего раненую добычу, он бросился к двери и не ошибся. Лицом к лицу встретился с ней. Окровавленная, в изорванном платье, но, видимо, только легко раненая, она бросилась из дому к дверям с надеждой на спасение. Пьяная, испуганная, но все же радостная, что жива и что ушла от явной смерти. Но смерть, еще более верная, ждала ее в безумных вдруг загоревшихся перед ней глазах ее мужа.

Тяжелой, будто железной рукой, он схватил ее за горло и все пять пуль из револьвера разрядил ей в грудь и сердце.

От взрыва бомбы загорелся дом. В соседних куренях стали хлопать двери. Самохин спрыгнул в сад и скрылся из хутора никем непримеченный. На утро, в воскресенье, чуть заря стала бросать свои первые лучи по туманному небу, Самохин вышел к своим на участок вахмистра.

— Где был, — спросил его, чуть с усмешкой, один на один вахмистр.

— Где был — там нет, сказал Самохин твердо.

— Что делал? опять спросил вахмистр.

— Ничего особого. Двух комиссаров убил и две лахудры с ними, — отвечал Самохин без похвальбы, без тени какого бы то ни было волнения.

— Молодец, — сказал вахмистр, — и во время явился.

— Так точно, — сказал Самохин тем же тоном,— только смотри, Архипыч, не говори командиру.

— Что ты, — отвечал вахмистр, — знать я ничего не знаю и ведать не ведаю.

Так и осталось между ними двумя, как погибли в Ольховском два комиссара и две лахудры их.

Константин Шариков. *(Югославия).*

МАТЕРИ.

Сумрак... Морозит... Лампадка
Перед образом мягко мерцает...
Ты сидишь и глубокая складка
Невеселую мысль отражает.
И одна у тебя лишь забота —
Деток в будущей жизни устроить.

Изнурила тебя уж работа, —
Ты бледна... Чем тебя успокоить?
Обескровились губы... И редко
Улыбнешься ты — грустно, печально,
И, чтоб горя не видели детки,
В тиши ночи поплачешь ты тайно.

Ив. Томаревский. (*Болгария*).

ЖУРАВЛИ.

Я вижу вновь под облаками
Летящих с юга журавлей,
Летящих ровными углами
К просторам северных полей.
С тоской душевной наблюдаю
Полет их вольный в небесах...
Они летят туда, я знаю,
Где степь широкая в цветах,
Где нивы, травы с ковылями,
Курганы старые и Дон,
Станицы с рощами, садами,
Где явь родная, а не сон...
О, если-б крылья вольной птицы, —
Давно туда б я улетел
В свою родимую станицу,
Где жил я так, как я хотел.
Но, крыльев нет... одни мечтанья...
Летят, курлычат журавли,
Не угадав мое желанье —
Увидеть грань родной Земли.
Лети же ровною стрелою,
Семья свободных журавлей,
Нельзя равняться вам со мною,
Как счастью с горестью моей.
Пусть будет спутником — удача
В полете вашем вольном птицы...
Быть может, годы промаячив,
Вернусь и я в свою станицу,
И дома буду на просторе
Я дни изгнанья вспоминать
И радостью горящим взором
Полет ваш новый наблюдать.

В. Седов. (*Франция*).

ПРИЯТЕЛЮ.

Что же, приятель, ты буйную вешаешь, —
Грустен, задумчив с бокалом вина?
Знаю — тоскуешь, но что же нам делать? —
Всем нам в изгнании доля одна:
День весь работаешь, ноют все косточки;
Сердце разбитое тяжко болит.
Вкруг все чужие, все бантики, тросточки.
В воздухе запах бензина стоит...
То ли, брат, дело — жизнь наша вольная:
Лето-ли знойное, вьюга шумливая,
Осень дождливая — степи раздольные,
Юноши стройные, девы стыдливые,
Наши бывалые праздники шумные,
Скачки и песни казачки старинные,
Страсти весенние, ночи безумные,
Дедов, отцов наших сказы былинные...
Выпьем же с горя, да грянем удалую:
В песне — вся жизнь казака
В горе и радости пел он, бывало,
Дома, на службе, в плену у врага.
Пусть мы умрем здесь с тобой за границею,
Хлеб добывая тяжелым трудом,
Все же споем мы про наши станицы,
Вспомним далекий отеческий дом.
В песне я вижу и Дон свой могучий,
Степи ковыльной манящую даль,
Воды Кубани и Терек кипучий,
Лавы казачьей блестящую сталь...
Так выпьем, приятель, за наше былое:
За Дон, за станицы, свои хутора...
Так пей же до дна, да затянем родное.
Вот так! Заводи! И — помни врага!

Корень расхождений.

Так уж оно повелось в жизни. Народ, потерявший свою государственную самостоятельность, другими словами — право верховного распоряжения своими судьбами сообразно своей воле и своему пониманию своих интересов и общей пользы, всячески стремится возвратить себе это высшее благо, пока в нем не погасла и хоть слабо еще теплится искра сознания своей национальной особности. Народ же победитель, в лице своего государства, с своей стороны, отлично понимает всю выгодность для себя распоряжения судьбою подвластного народа и его территорией, с ее надземными и подземными богатствами, а потому стремится всеми способами и всеми средствами навсегда удержать в своем подчинении раз подчиненный народ.

Но, народ-господин также отлично понимает, что до тех пор, пока подвластный народ не потерял своего национального лица, пока он национально и культурно не обезличен, до тех пор он будет стремиться к своему освобождению, к своей государственной самостоятельности. Поэтому государство-завоеватель (за очень и очень немногими исключениями) принимает все меры к тому, чтобы денационализировать (расказачить, напр.) и ассимилировать (растворить в своей среде) подчиненный народ. Все, что отличает подчиненный народ от народа-господина, преследуется и уничтожается. Подчиненный народ вынуждается, напр., обучать своих детей грамоте и давать им образование на языке народа-победителя. Школа господствующего народа научит народ подвластный забыть свою историю и даже свое прошлое видеть только в свете, выгодном господину.

Земля порабощенного народа под теми или иными благовидными, а то и совсем неблаговидными предлогами отбирается (конфискуется) и отдается в пользование, либо собственность пришельцам-колонистам народа завоевателя (и только иногда и отчасти своим ренегатам — перевертням народа подчиненного).

Общественно-хозяйственный строй уничтожается и заменяется соответствующим строем державного народа. Так Россия перенесла на Украину, напр., свой помещичье-крепостнический строй.

Не допускаются и жестоко преследуются вся-

кого рода не только политические, но и национально-культурные организации: просветительные общества, кружки родиноведения, по изучению истории своего народа и т. д., и т. д.

И история знает случаи, когда подчиненные народы окончательно и бесповоротно денационализировались и ассимилировались, тонули и растворялись в море народов-завоевателей. Такая участь постигала народы мало культурные и пассивные, когда они попадали в зависимость от народов более культурных, более активных и более предприимчивых. (Бывало иногда и так, что мало культурный завоеватель сам растворялся в среде более культурного побежденного народа, как то было когда-то, напр., с болгарами).

В большинстве же случаев народы, потерявшие свою государственную самостоятельность, возрождаясь политически и национально, в конце концов возвращали ее себе, выждав момента ослабления своего завоевателя. Так, после многовекового порабощения, освободились из под власти турок: греки, сербы, болгары, румыны; из под власти немцев и мадьяр — словенцы, хорваты, словаки, чехи; из под власти русских — финны, эсты, латыши, литовцы; из под власти русских и немцев — поляки; на пути к окончательной государственной независимости находится в настоящий момент ирландский народ, находившийся под властью англичан свыше 700 лет (с XII века).

Однако, и для тех народов, которые возвратили себе свою национальную свободу, долгое пребывание под иноземным владычеством проходит далеко не бесследно. Все они в той или иной мере несут потом на себе влияние завоевателей. Это влияние сказывается и на языке и на общественно-экономических отношениях, и даже на нравах и обычаях. Общеизвестно влияние татарского ига на русский народ. Что же касается балканских народов, то они еще и до настоящего времени носят на себе некоторые следы турецкого влияния. Наибольшему ассимилирующему влиянию подверглись кельты Зеленого Острова — Ирландии. Они потеряли свой язык и говорят теперь на языке своих завоевателей; они потеряли даже свое имя, но душу народную отстояли и сохранили. И, уступая напору малого ирландского народа в его борьбе за свое национальное возрождение и освобождение, могущественная Британия, владычица морей и океанов, в 1923 году должна была признать свободное Ирландское государство.

Скорее и полнее всего денационализируются и ассимилируются высшие сословия или верхние слои подчиненного народа, — те, основным источником существования или ролью которых было в той или иной мере участие в управлении своим народом. С потерей народом независимости, бывшее „правящее сословие“ тоже теряет свои функции и роль и становится перед дилеммой: либо перейти в стан поработителя и принимать все меры для мирного подчинения ему своего народа; либо, если такое лицо не располагает какими либо независимыми от победителя источниками существования, смешаться в массе своего народа и приступить к ведению сельского хозяйства или заняться ремеслом. Но на это последнее высшие сословия если и идут иногда, то лишь в тех случаях, когда все остальное им недоступно.

Стремясь больше других к образованию и получая его в школах победителя, высшие сословия скорее подвергаются и национально-культурной обработке в духе и интересах своих новых властителей. Бывают поэтому случаи, когда правившие сословия побежденного народа целиком растворяются в среде победителя и принимают даже его имя.

Источники существования так называемых „низших“ слоев народа, его хлеборобских масс и ремесленников, гораздо менее уязвимы для воздействий со стороны государства-завоевателя. Кроме того, их национальное сознание почти целиком сливается с инстинктом самосохранения. А это значит, что вне рамок своей национальной особности они вообще не мыслят своего существования. По этим то основным причинам наибольшее упорство в борьбе против денационализаторских и ассимиляторских усилий победителя проявляют именно народные „низы“. Именно в народных низах, в том, кого по ученому называют демосом, как в зерне отлагаются все необходимейшие элементы сохранения и возрождения народа.

История любого порабощенного народа дает тысячи конкретных примеров, подтверждающих эти общие мысли.

Казачество также не составляет исключения из общего правила. Его сословия развивались или деградировали в общем по такой же схеме, по такому же плану. Кто из казаков помог русскому государству низвести вольное казачество до положения служилого сословия? История Дона и козачої України совершенно определенно отвечает: казачья старшина по преимуществу, т. е. казачье дворянство. Исключения, разумеется, бывали. Часть дворянства временами действовала явно на стороне народных казачьих масс. В целом же, как сословие, казачье дворянство (главным образом после потери независимости) не за страх только „доброхотствовало“ царям и старательно подтягивало под московское ярмо казачьи массы, получая за это признание со стороны России своих дворянских прав, — право захватывать Войсковые земли в свою личную собственность и садить на них своих крепостных рабов. Вольное казачество, разумеется, никогда бы не допустило до этого свою старшину. Вот почему старшина в большинстве была против вольного казачества и с своей стороны делала все, чтобы перевести его на положение казачества служилого.

Нет ничего удивительного, поэтому, в том, что современное родовитое служилое и поместное дворянство в большей своей части тоскует

и долго еще будет тосковать про себя по тому „доброму старому времени“, когда оно обладало такими „плодоносными“ правами, и открыто противодействует и будет противодействовать всему тому, что мешает их возвращению. Вольное казачество, независимое казачье государство — это конец мечте и окончательный гроб для дворянских привиллегий.

Вот это и есть главный корень того, что современная казачья старшина — дворянство, как целое, так настойчиво борется против самостийных течений в казачестве. Эта старшина, примыкая ныне к русским реставрационным течениям, главным образом — монархическим, надеется на возвращение если не всего, то большей части того, чего лишили их Круги и Рада в 1917 — 1919 годах.

Исключения из этого правила среди казачьей старшины имеются и ныне, но, к большому сожалению, только исключения, не больше.

Помимо владения и права на почетную и привиллегированную службу, старшина обладала часто и правом обучения своих детей на войсковой счет, начиная от кадетского корпуса или реального училища и кончая высшими учебными заведениями. Не мудрено поэтому, что, будучи наиболее образованным и культурным слоем среди казачества, она достаточно сильно влияла на другие его слои, особенно на те, которые находились под ее постоянным воздействием, внушая им и свою политическую идеологию. Идеология же эта заключалась и заключается в том, что казачество должно быть служилым, а не вольным; что оно должно расширять и охранять границы русского государства, должно служить „якорями русского правительства на окраинах русского государства“; и что казаки — русские люди.

Такова старшинско-дворянская идеология. Выразителями ее в недавнем прошлом были журналы „Казачьи Думы“, „Казачий Путь“, „Путь Казачества“, а в настоящее время проводником ее является „Родимый Край“ Мельникова — Богаевского.

Старая же вольно-казачья идеология законсервировалась и сохранилась вплоть до революции 1917 года в народной толще казачества, в народных „низах“. Блестящим доказательством этого является, между прочим, и роман советского донского писателя Мих. Шолохова „Тихий Дон“. Советского писателя невозможно, конечно, заподозрить в „казакоманстве“, в том, что он преднамеренно склонен изображать казачество в исторически правдивом свете. Поэтому то его наблюдения положительных сторон казачьего духа представляют особенный интерес.

Вот характернейшая сценка, которую Мих. Шолохов относит к весне 1914 года. Дело происходит на хуторе Татарском. После перепалки, происшедшей из-за очереди на мельнице между казаками и „хохлами“, к возбужденной группе казаков подходит слесарь Штокман, б. ростовский рабочий, отбывший ссылку, член российской социал-демократической рабочей партии. Конечно, он ловит всякий подходящий случай, чтобы подагитировать среди казаков.

„... — Хохлы, они огромадно сердитые, — усмехнулся Афонька Озеров.

Человек (Штокман) махнул шляпой в его сторону.

— А ты кто?..

— Я то казак, а ты не из цыганев?

— Мы с тобой обое русские.

— Брешешь! — раздельно выговорил Афонька.

— Казаки от русских произошли. Знаешь про это?

— А я тебе говорю, — казаки от казаков ведутся.

— В старину от помещиков бежали крепостные, селились на Дону, их то и прозвали казаками.

— Иди-ка ты, милый человек, своим путем, — сжимая запухшие пальцы в кулак, сдержанно-злобно посоветовал Алексей безрукий и заморгал чаще.

— Сволочь поселилась!.. Ишь, поганка, в мужиков захотел переделать“!..

Так решает вопрос о своем национальном происхождении казачья масса: казаки от казаков ведутся.

Знаменитая речь рядового, „неизвестного депутата“ Донского Круга, основной смысл которой сводился к тому, что Дон — это Дон, и Круг должен заниматься донскими делами, а Россия пусть занимается делами русскими, — есть такое же решение вопроса о политическо-государственном существовании Казачества.

Несомненно, что так же решает эти основные вопросы бытия Казачества казачья масса и других Войск.

Совершенно иначе решаются они казачьей старшиной — дворянством. К этому склоняет его прежде всего его скрытое желание вернуть себе то привиллегированное положение, которым оно пользовалось особенно в период 1835-1917 г. г., т. е. его сословные интересы. И в том, что сословные, личные интересы казачьего дворянства толкают его в сторону от народных казачьих масс, в том — тяжелая трагедия Казачества. В недавнем прошлом оно заплатило страшную цену за роскошь иметь — в своей среде две „ориентации“, две „партии“, тянувшие в разные стороны.

Признание, заслуживающее внимания:

„Да, мы сами несем полную ответственность за большевизм: мы его призвали к жизни; он родился среди нас; он — коренное русское явление, и притом весьма древней генеалогии“...

Александр Салтыков

(„Возрождение“ от 28 февраля, 1931, №. 2097).

Не хотим выступать здесь против старшины ради намеренного раз'единения. Мы говорим все это не для того, чтобы казаки прониклись ненавистью к казачьей старшине, а для того, чтобы та часть казачьей старшины, которая умеет читать в книге судеб народов и которая не захочет впредь уходить от своего народа или тянуть свой народ на службу другому народу, — чтобы, повторяем, та часть казачьей старшины слилась с Казачеством, отождествила свои интересы с его интересами и пошла с ним нога в ногу, рука в руку к его лучшему историческому будущему.

Возрождение каждого народа начинается с появлением своей интеллигенции, — интеллигенции, вышедшей из недр самого народа. Эта интеллигенция с частью интеллигенции вышедшей из „высших сословий" и составляет мозг нации, берущий на себя инициативу возрождения своего народа в целом и задачу его освобождения. Так будет и у Казачества. Нужно только, чтобы максимальная часть старшины отказалась от службы чужим и вернулась к своему народу. Об этом, о задачах казачьей интеллигенции мы будем говорить еще на этом месте в следующий раз.

А. Ленивов.

К годовщине Степного Похода ($19^{12}_{II}18-19^{12}_{II}31$).

Хронологический указатель событий Степного Похода (12/II-5/V 1918 г.).

(Окончание).

20 марта. Военный совет начальников партизанских отрядов, под председательством Походного Атамана, принимает решение — Отряду Вольных Донских казаков идти на Дон.

21 марта. Все части Отряда сосредоточены на зим. Трубникова, расположенном в крайнем юго-восточном углу Донской Области (смык границ Донской Области, Ставропольской и Астраханской губерний).

22 марта. На зим. Трубникова прибыли возвратившиеся из с. Ремонтного (Астраханской губ.) есаул Сугулов и б. член 1-ой Гос. Думы Аладьин, в сопровождении большевицкой делегации, потребовавшей выдачи всех партизанских начальников включительно до должности взводного командира, гарантируя этим жизнь рядовым партизанам.

23 марта. Отряд Вольных Донских казаков покинул зим. Трубникова и двинулся на север к Дону.

24 марта. Столкновение партизанских раз'ездов с большевиками у зим. Трубникова.

Бой арьергарда Отряда Вольных Донских казаков с большевиками у хут. Хуторского.

Ночевка главных сил партизан в ст. Граббевской.

25 марта. Бой арьергарда Отряда Вольных Донских казаков с большевиками у хут. Мокрый Гашун: во время боя убит лихой командир партизанской батареи под'есаул Неживов.

Ночевка главных сил партизан в ст. Еркетинской. Присоединение калмыков Бурульской ст. к Отряду.

Раз'езд казака Ромашкина привозит Походному Атаману первые сведения о начавшемся восстании казаков II Донского Округа против большевиков и одновременно с этим вручает летучку, в коей восставшие казаки просят Походного Атамана ген. П. Х. Попова с своими партизанскими отрядами спешить к ним на помощь.

26 марта. Бой арьергарда Отряда с большевиками у ст. Бурульской.

27 марта. Бой арьергарда Отряда с большевиками у ст. Еркетинской.

28 марта. Бегство в. ст. Чернушенко с частью своих партизан из состава Отряда Вольных Донских казаков, и бои их (партизан Чернушенко) с большевиками у железно-дорожной ст. Ремонтная.

Прибытие к Походному Атаману делегации от казаков 11 (одинадцати) восставших станиц II Донского Округа, с просьбой спешить к ним на помощь.

Бои частей Отряда с большевиками на подходах к переправе через р. Сал (у ст. Андреевской).

29 марта. Присоединение казаков ст. Андреевской к Походному Атаману.

Бой арьергарда частей Отряда В. Д. казаков с большевиками у переправы через р. Сал (Андреевская ст.) и переправа последних партизанских отрядов через р. Сал.

Набеги конных отрядов (Слюсаревцы и Семилетовцы) на железно-дорожные ст. ст. Семичная и Ремонтная. Отряд В. Д. казаков переходит ночью через линию железной дороги, между ст. ст. Семичная и Ремонтная, подвергаясь обстрелу со стороны большевицких бронепоездов, прибывших из Царицына.

30 марта. Отряд В. Д. казаков, спеша на помощь восставшим станицам II-го Донского Округа, подошел к р. Дону и начал переправу через последний около хут. Кривого, Нижне-Курмоярской ст.

31 марта. Переправа Отряда через р. Дон.

1 апреля. Отряд В. Д. казаков, переправившись через р. Дон, сосредоточился в ст. Нижне-Курмоярской.

Приказ Походного Атамана ген. П. Х. Попова о расформировании Отряда Вольных Донских казаков.

2 апреля. Отмена Походным Атаманом приказа о расформировании Отряда Вольных Донских казаков.*)

3 апреля. Части Отряда В. Д. казаков захватили у ст. Нижне-Курмоярской пароход „Венера", направлявшийся из г. Ростова в хут. Калач, вверх по р. Дону.

Переформирование частей Отряда В. Д. казаков.

Посылка Походным Атаманом гонцов-офицеров к восставшим казакам у г. Новочеркасска.

4 апреля. Набег партизанской конной сотни на большевиков, находящихся в ст. Нагавской: во время набега партизанами захвачено два орудия.

Уход группы полк. Мамонтова (партизанский отряд полк. Мамонтова, конный отряд пол. Каргальского и офицерский отряд войск. старш. Гнилорыбова) в ст. Нижне-Чирскую на помощь восставшим казакам II-го Донского Округа.

5 апреля. В ст. Нижне-Курмоярской состоялось совещание делегатов (членов) старого Войскового Круга, созванное Походным Атаманом для решения вопроса о скорейшем созыве нового Круга.

Участие партизан-степняков в бою восставших казаков II-ого Донского Округа с большевиками у ст. Котельниково.

Отряд В. Д. казаков под командой Походного Атамана оставляет ст. Нижне-Курмоярскую и начинает движение вниз по р. Дону к г. Новочеркасску.

Походным Атаманом оставлен в ст. Нижне-Курмоярской гарнизон из партизан-степняков под командой полк. Антонова.

6 апреля. Прибытие частей Отряда в ст. Цымлянскую: захват партизанами парохода „Пустовойтов" с красноармейцами.

7 апреля. Флотилия с Отрядом В. Д. казаков подошла к ст. Константиновской.

*) Приказ был отдан Походным Атаманом, исключительно в силу соображений следующего порядка: удаление из Отряда Вольных Донских казаков всего неблагонадежного и небоевого элемента.

8 апреля. 9 донской к. полк и часть казаков 2 донского к. полка (кадровые), пребывавшие в ст. Константиновской, присоединились к отряду В. Д. казаков.

Выступление Походного Атамана на последнем заседании Окружного Круга I-ого Донского Округа.

Восставшие казаки Донецкого Округа (Ермаковско-Калитвенский отряд пол. И. Ф. Быкадорова) устанавливают связь с Отрядом Вольных Донских казаков.

9 апреля. Отбытие флотилии с Отрядом В. Д. казаков из ст. Константиновской.

Делегация от Заплавской группы восставших казаков прибыла по р. Дону на пароходах, в ст. Раздорскую, встреченные колокольным звоном и хлебом-солью от восставших казаков.

10 апреля. Высадка частей Отряда В. Д. казаков на берег в ст. Раздорской.

11 апреля. Временное Донское Правительство, образовавшееся при Заплавской группе восставших казаков, отдает приказ о передаче полноты военной власти и высшего командования Походному Атаману ген. П. Х. Попову.

В ст. Раздорской состоялось, под председательством Походного Атамана, совещание командного состава Отряда В. Д. Казаков с делегацией от Заплавской группы восставших казаков.

12 апреля. Из ст. Заплавской прибыли в ст. Раздорскую, командующий Донской Армией*) ген. К. С. Поляков и нач. шт. полк. ген. шт. Денисов, для получения распоряжений от Походного Атамана.

13 апреля. Походный Атаман ген. Попов в сопровождении полк. Денисова прибыл в ст. Заплавскую.

Приказ Походного Атамана о составе Донской Армии: Донская Армия в Заплавской переименована в т. н. Южную группу, Отряд Вольных Донских казаков составил т. н. Северную группу, восставшие казаки Кагальницко-Мечитинского района, установившие связь с Походным Атаманом, реорганизованы в т. н. Задонскую группу; а также и Ермаковско-Калитвенский отряд полк. И. Ф. Быкадорова.

14 апреля. Северная группа (Отряд Вольных Донских казаков) сосредоточилась в районе г. Александровск-Грушевского.

15 апреля. Тяжелый бой частей Северной группы (Отряд В. Д. казаков) с большевиками у г. Александровск-Грушевского, оканчивается неудачей, вследствие неустойчивости и малодушия казаков Мелеховской ст.

16 апреля. На усиление войск Северной группы прибыл из Южной группы Новочеркасский пеший полк с тремя сотнями конницы.

Казаки ст. Мелеховской привели с собой в свою станицу отряд большевиков из гор. Александровск-Грушевского.

17 апреля. Части Северной групы (Отряд В. Д. казаков) заняли исходное положение для начала 2-го штурма гор. Александровск-Грушевского, занятого большевиками.

Казаки ст. Семикаракорской обстреляли пулеметным и ружейным огнем пароход „Венеру“, везший из ст. Раздорской в ст. Константиновскую, свыше четырехсот (400) раненых партизан из Отряда В. Д. казаков (Северная группа).

18 апреля. 2-ой бой частей Северной группы (Отряд В. Д. казаков) с большевиками у гор. Александровск-Грушевского.

19 апреля. Похороны в. ст. Балихина, красы и гордости Отряда В. Д. казаков, смертельно раненого при 1-ом штурме гор. Александровск-Грушевского (15 апреля).

20 апреля. 3-ий бой частей Северной группы (Отряд В. Д. казаков) с большевиками у гор. Александровск-Грушевского.

21 апреля. Походный Атаман отбыл из ст. Раздорской в ст. Заплавскую, для подготовки аттаки г. Новочеркасска частями Южной группы.

22 апреля. Большая часть войск Северной группы (Отряд В. Д. казаков) сосредоточена вечером в районе ст. Мелеховской, для прикрытия правого фланга и тыла Южной группы, назначенной аттаковать на рассвете 23 апреля г. Новочеркасск.

23 апреля. Гор. Новочеркасск взят на рассвете войсками Южной группы полк. Денисова: в бою при штурме Новочеркасска принимала участие 2-ая конная сотня партизанского отряда в. ст. Семилетова.

В 7½ часов утра в Новочеркасск прибыл Походный Атаман ген. Попов, торжественно встреченный населением.

24 апреля. Стычки партизанских раз'ездов с большевиками у хут. Сухая Кадамовка.

25 апреля. Тяжелый бой войск Южной группы, за удержание Новочеркасска, с большевиками, пробивающимися к Ростову.

Спасение Новочеркасска частями Северной группы полк. Семилетова и отрядом полк. Дроздовского, прибывшего из Румынии на Дон.

26 апреля. Прибытие штаба Походного Атамана в гор. Новочеркасск.

27 апреля. В гор. Новочеркасск вступили части Северной группы (Отряд В. Д. казаков).

Состоялся в гор. Новочеркасске общий парад войскам взявшим и удержавшим гор. Новочеркасск: парад принимал Походный Атаман ген. Попов.

28 апреля. В гор. Новочеркасске собрался Круг Спасения Дона.

29 апреля. Начало заседаний Круга Спасения Дона.

30 апреля. Начальник штаба Походного Атамана полк. ген. шт. Сидорин выехал в г. Киев, в составе посольства от Войска Донского, имевшего целью выяснить взаимотношения между Доном и немцами, а равно и Украиной.

3 мая. Круг Спасения Дона избирает вр. Войсковым Атаманом ген. П. Н. Краснова (до созыва Большого Войскового Круга).

4 мая. Передача Походным Атаманом ген. П. Х. Поповым власти новому вр. Войсковому Атаману ген. П. Н. Краснову.

5 мая. Вр. Войсковой Атаман П. Н. Краснов вступил в управление Доном.

Приказ Атамана Краснова о расформировании частей б. Отряда Вольных Донских казаков.

Круг Спасения Дона в своем последнем заседании производит „в воздаяние заслуг перед Доном“ Походного Атамана ген-м. П. Х. Попова в чин ген-лейт., нач. штаба Походного Атамана полк. ген. шт. В. И. Сидорина в чин. ген-м. и командующего войсками Северной группы (Отряд Вольных Донских казаков) полк. Э. Ф. Семилетова в чин ген-м.

Приложение. „Степной Поход был героическим актом группы Донских патриотов, благодаря которому Дон не сдался целиком большевикам ни на один момент, но был с ними без перерыва в состоянии войны. Степной Отряд это часть Дона“. (Очерк политической истории В. В. Донского).

„Он (Степной Отряд) сохранил идею казачьей борьбы с советской властью, он спас честь и знамя вольного казачества“. (Донская Летопись т. III).

„К 1 мая Донская Армия насчитывала свыше 50 тысяч человек в своих рядах, имея в своем распоряжении достаточное количество и артиллерии и пулеметов взятых с бою.

Огромный запас патронов и снарядов, отбитых у красных под Новочеркасском и Тацинской, давал возможность внести определенную систему в дело снабжения фронтов боевыми запасами и повести более планомерно и энергично окончательное очищение Дона от красных.

Теперь настал момент для формирования постоянной армии. Разработанный еще в Раздорской станице план оставалось только облечь в форму приказа, что и было выполнено в первую очередь.

Одновременно с этим приступлено к организации и систематизации военного управления с прочно заложенным в основу его принципом — беречь войсковую казну.

*) Приказ о формировании Армии и назначении командующим оной (армией) ген. К. С. Полякова относится к 2 апреля 1918 г., т. е. отдан этот приказ во время занятия г. Новочеркасска восставшими казаками.

Освобождение значительной части Дона от красных, дало возможность, наконец, созвать Круг Спасения Дона". (Записки Походного Атамана — ист. ж. „Донская Волна" 1918-1919 гг.).

Войсковой Круг В. В. Донского „в воздаяние воинской доблести и отменного мужества в боях и понесенных беспримерных трудов и лишений во время Степного Похода", установил для участников Степного Похода нагрудный знак: черный (могильный) крест на георгиевской ленте. На оборотной стороне выбиты две даты: 12/II — 5/V, — начало и окончание Степного Похода.

Д. Воротынский.

Мироновщина.

(К материалам по истории казачьего освободительного движения).

Войсковой старшина Филипп Кузмич Миронов родился в ст. Усть-Медведицкой в бедной казачьей семье. Мальчиком служил писарем у известного на севере Дона адвоката П. И. Мельникова.*) Отличаясь выдающимися способностями, он без труда выдержал экзамен на права вольноопределяющегося первого рязряда и поступил в Новочеркасское юнкерское училище, по окончании которого молодым офицером уехал на Дальний Восток. Отсюда и началась его военная карьера. Миронов был честолюбив и горд, и чтобы „постоять за себя" не считался с интересами общественными.

Настал 1917 год. На Дону начали наново перестраивать свое управление. На пост окружного атамана Усть-Медведицкого округа был назначен молодой полк. Лащенов. Между тем, казалось бы, что должность окружного атамана должна быть вручена Миронову, о чем он и сам мечтал. В ответ на такое отношение к нему общественности, он откололся от „кадетов" и ушел в стан красных. Врожденное честолюбие и гордость воспылали в мятежном уме Миронова; он ждал, что казаки его позовут и он придет снова от красных к ним, но „кадеты" приняли вызов.

В этом страшном расколе виновата сама казачья интеллигенция, отшвырнувшая Миронова, вышедшего из своих же низов, из писарей, и на ее душе лежит непрощенный грех.

Миронов стремительно начал об'езд всех станиц и хуторов Усть-Медведицкого округа, говорил зажигательные речи, плакал перед казаками и молодежь за ним шла.

Этот момент и был краеугольным камнем трагедии Донского Казачества зимою 1917—18 года: отцы и деды ушли с „кадетами", сыны и внуки пошли за Мироновым.

Начальником штаба в красной коннице Миронова был есаул Сдобнов,**) его дргу детства, казак Усть-Медведицкой станицы и тоже вышедший в офицеры из писарей.

Повидимому и красное командование было поражено таким под'емом красных казаков и Миронову была дана известная свобода в его военных операциях в борьбе с „белым" казачеством. Конница Миронова возрастала быстро, силы стали настолько велики, что он держал целый фронт, и базой его действий были, главным образом, северные округа Донской области: Усть-Медведецкий и Хоперский. Успех благоприятствовал ему еще и потому, что Миронов отлично знал район операций, и с названными округами граничили Царицын и Борисоглебск, следовательно опасности „с мужичьей стороны не было, при том же все „хохлацкие" слободы Усть-Медведицкого и Хоперского округов были враждебно настроены к „кадетам" и дух Мироновской конницы всегда искал опоры в неказачьих слоях населения области.

Были и еще отряды, выбросившие знамя борьбы с „контр-революционным Казачеством", как, напр., двухтысячный отряд, предводительствуемый грузином Киквидзе, и отряд урядника Иловлинской станицы Колесова, около 800 шашек, но они оперировали почти самостоятельно и дальше обычного бандитизма их деятельность не проявлялась. Это были своего рода „вихри враждебные": налетят где попало, ограбят, убьют, изнасилуют, пригрозят и улетят, как ветер. Такие отряды, конечно, не страшили „кадетов", но не было от них пользы и красным, хотя в первый период войны существование таковых отрядов допускалось и поощрялось.

На Дону всем памятен возродившийся при ОСваг-е у „кадетов" знаменитый партизанский отряд полк. Романа Лазарева, каравший хутора и станицы лишь только за то, что по велению Лазарева*) хутор или станица не давали требуемого количества самогона, или не приводили для забав Лазаревской опричнины красивых девок...

Бои „кадетов" с Мироновым были довольно часты, но больших потерь ни та, ни другая сторона не несли. Может быть это об'ясняется тем обстоятельством, что казаки не хотели идти против своих же, да еще родственников. Самым жестоким был бой под станицей Глазуновской осенью 1918 г., когда артиллерия Миронова била по станице, и когда она хотела сравнять с землей дом Ф. Д. Крюкова. К счастью, человеческих жертв было очень мало, дом Крюковых остался невредим, но соседний дом лавочника Митенева через улицу пострадал: снаряд угодил прямо в лавочку и вся семья Митеневых: старик-отец, мать и двадцатидвухлетний сын были убиты наповал.

От станицы была послана делегация в штаб Миронова с просьбой о разрешении похоронить тела убиенных сейчас же, но Миронов категорически отказал.

Убыли в своих частях Миронов пополнял преимущественно в „хохлацких" слободах, об'являя там мобилизацию.

Чем дальше шло „углубление" революционных свобод, чем успешней давались победы красным над „кадетами", чем прочнее созидалось новое государственное строительство большевиков, тем военные действия Миронова ослаблялись и его воля ограничивалась всякого рода декретами, которые опять заставляли выплывать наружу чрезмерную его гордыню и честолюбие. Красное командование уже не видело более нужды выделять Миронова, как способного „борца с кадетами" и в это время, вероятно, в его недюжинном уме созрел план отказа от большевиков. Мы не знаем деталей, как подготовлялся заговор, но переговоры с „кадетами" замедлялись и „измена" была раскрыта. Почти накануне перехода Миронова к „кадетам" в районе станицы Кумылженской, в 17 верстах от Глазуновской, Миронов был арестован красными.**)

Почти два года Миронов был красным оком Москвы на Дону и красному командованию не было особой нужды бросать на казаков сильные части. Но после, когда красный фронт поколебался, красное командоваиие поняло ту серьезную опасность, какую представляло из себя Казачество. Дон, Кубань и Терек представляли из себя силищу и чтобы ее сломить окончательно, большевики повели ожесточенную борьбу с казаками.

Истории всех народов дают нам массу примеров, заставляющих поражаться, почему тот или иной герой, могущий, кажется, возвысить благо своей страны, вдруг срывается падает в какую-то пропасть и его место занимает обыкновенный серый человек. Измена не есть вещь хорошая, но если изменник страждет душой за свой народ, если он раскаявшись в злых деяниях, возвращается к своему народу и служит ему, то он при-

*) Расстрелян большевиками недалеко от Новороссийска.

**) Во время предрешенного падения Миронова застрелился в слободе Михайловке.

*) Расстрелян в Крыму по приказу Врангеля.

**) В настоящее время Миронов служит в Ростове н/Д. в одном из административных учреждений.

несет больше пользы, чем лицо до него занимавшее тяжкий пост.

В рядах Донского Казачества за годы „гражданской" войны не было выдающихся людей ни на военной службе, ни на гражданском поприще. Выстрел ген. Каледина не есть подвиг, он оборвал свою жизнь тогда, когда необходимо было его служение Казачеству. Ежедневное метание словес в толпу М. П. Богаевским, и только словес, не озарило ореолом его мученическую кончину и не сделало Донским героем...

И кто знает, что если бы не было на Дону „мироновщины", если бы создатель мироновщины не покорил себя „под нози врага и супостата", возможны были бы другие события и в жизни Казачества...

Санжа Балыков.

Восточные соседи Казачества.

Киргиз-казаки.

в) Население, быт, занятия.

Главное и преобладающее занятие коренного населения края — киргиз-казаков — животноводство, из всех видов коих на первом месте стоит овцеводство, за ним скотоводство, коневодство и верблюдоводство. Лошадь — любимое животное киргиз-казака, как и всякого степняка. Значение коней в жизни киргиз-казаков также велико: лошадь единственное средство быстрого сообщения на громадном пространстве киргизской территории, не имеющей машинных путей сообщения; коневодство же дает главный вид национального напитка — чудного по вкусу и высокопитательного кумыса, который, при недостаточности хорошей питьевой воды и неразнообразности киргизского стола, имеет неоценимое значение в народном здравии; помимо этого, конь — самый дорогой вид домашнего животного при продаже. Торговля лошадьми имеет национальное значение и размеры. Киргиз-казацкие кони расходились почти по всем уголкам Российской империи. Киргиз-казацкий конь издавна известен своей выдающейся выносливостью, неприхотливостью в корме, ровностью и значительной быстротой бега на большие расстояния.

Разведение крупного рогатого скота довольно значительно. Разведение верблюдов обуславливается их приспособленностью к нуждам при перекочевках, как сильное вьючное животное и их исключительной приспособленностью к местным условиям (как известно, верблюды едят всякую траву и при том очень мало, пьют всякую воду, могут недели и не пить). Их теплая шерсть тоже немало приносит пользы в киргизской семье. Рогатый скот разводят ради молока, кожи, мяса и торговли. Скот киргизский мал ростом и малосилен, нуждается в культуре. Верблюдов разводят двугорбых и одногорбых, первые сильнее и потому в предпочтении. Все эти животные круглый год находятся на подножном корму и, благодаря суровым зимам с буранами и гололедицами, они часто массами гибнут за зиму, что приносит значительный ущерб народному благосостоянию.

В сельском хозяйстве почти до последнего времени отсутствовали усовершенствованные орудия и машины. Пахота большею частью производилась сохой и лишь в последние годы входил в применение букарь; заместо бороны употреблялось срубленное с ветками дерево.

г) Современное положение и существующие политические течения. Заключение.

По своему этническому составу, политико-экономическому характеру и географическому положению Казакстан безусловно должен бы входить в качестве автономной единицы в состав единого Туркестанского государства. Но, ввиду того, что образование такого единого, сильного государства (хотя бы во многом и зависящее от большевиков), угрожало бы в будущем невыгодными последствиями для централистической политики России, Советская власть, эта достойная продолжательница политики царского правительства в отношении инонациональностей, искусственно раскромсала этот единый географически-государственный комплекс, „размежевала" единый Туркестан по некоторым племенным разновидностям, на шесть государственных формаций: На Узбекскую, Туркменскую, Таджикскую советские республики, Киргизскую и Казакскую автономные республики и Кара-Калпакскую автономную область.

Из них, первые три образования непосредственно входят в состав СССР., Казакская и Киргизская авт. республики составляют часть РСФСР и, наконец, Кара-Калпакская авт. область входит в состав Казакской авт. республики — Казакстана.

В октябре прошлого года, во время празднования 10-тилетия Советского Казакстана, было выражено пожелание о выделении Кара-Калпакской автономной области в особую автономную республику. Большевики, конечно, ухватились за это и охотно выделили, но Кара-Калпакской республики не образовали, а включили ее в состав, так называемой, Советской Средней Азии. При чем любопытно заметить, что Казакстан в эту новую Средне-Азиатскую комбинацию не входит.

При едином Туркестанском государственном существовании все население его делилось бы на два заметных, национальных элемента, далеко неравных по численности: 1) Таджики, немногим больше полумиллиона человек, представляющие собою народ Иранского происхождения, с языком схожим с персидским и 2) Турки, в лице: киргизов, узбеков, туркменов, кара-калпаков.

Но в будущем, при более нормальном, а главное, при разумном, спокойном и самостоятельном разрешении киргизами своего национального государственного бытия, нет никакого сомнения, что Казакстан должен будет войти в состав единого Туркестана и, таким образом, очутившись в своей семье в качестве равноправного ее члена, выйдет на путь национального возрождения.

Для того, чтобы это утверждать, надо только проследить существующие общественно-политические течения среди народа вообще, а в особенности среди его, выражаясь языком евразийцев, „ведущего слоя".

С первых же дней Февральской революции национальные течения среди киргиз-казаков вылились в определенные формы.*)

Разрешение своего национального вопроса они мыслили в форме автономии, но, при этом, немедленно обнаружились два разветвления в понимании практического разрешения вопроса. Одни думали об автономии совместно с Туркестаном, другие же об автономии отдельной, самостоятельной. Симпатии народной массы, поскольку они проявлялись в речах делегатов, были в пользу об'единения с Туркестаном, к которому она тяготела в силу этнического единства. Были еще (только среди интеллигенции) сторонники об'единения киргиз-казаков с Сибирью, на основе Сибирского областничества. Но течение это, видимо, не получило большого развития, хотя оно возглавлялось некоторыми весьма авторитетными представителями интеллигенции, как например, Али-Хан, Букей-Хан.

В конце 1917 года, в самом начале захвата большевиками власти, Туркестан был провозглашен автономным. Туркмены, узбеки, киргизы, в лице своих представителей приняли участие в организации автономного строя. Киргиз-казаки Тургайской и Уральской области выражали твердое желание войти в состав Автономного Туркестана и только угроза административного от-

*) Многими сведениями в этой части любезно поделился один из лидеров Туркестанского национального движения г. Мустафа Чокаев, за что автор приносит ему глубокую благодарность.

рыва их от киргиз-казаков Семипалатинского и Акмолинского районов, которые еще продолжали стоять на платформе отдельной автономии в пределах прежнего Степного генерал-губернаторства, не дала возможности осуществления этих, естественных стремлений народной массы. Но идея об'единения с Туркестаном быстро шагала вперед и было только вопросом времени окончательное ее торжество.

На Всеказакском с'езде, в декабре 1918 года в Оренбурге, на котором был поднят вопрос об автономии Казакских областей, указанные два течения опять встретились и готовы были расколоть народный организм на две части, во избежание чего, стороны пришли к соглашению и Казакские области были провозглашены автономной частью России и „впредь до образования общероссийской, демократической республиканской власти", Автономный Алаш (так назывался тогда Казакстан) должен был управляться самостоятельно.

Советскую власть киргизы, как власть центральную, постольку, поскольку она будет признавать автономные права их, признали. Само собой разумеется заманчивый лозунг: „Самоопределение национальностей" сыграл и здесь свою роль. Впоследствии, когда большевики проявили свою настоящую натуру, киргизы вступили с ними в борьбу, но эта борьба с'уживалась в своих рамках отношением „белых". Так например, когда образовалось Прав-во Вологодского, глава Автономного Алаша обратился к последнему с просьбой помочь киргизам вооружением и инструкторами для организации частей, но командующий Сибирской армией, генерал П. П. Иванов (впоследствии ставший Ивановым-Риновым, бывший участковый пристав) на это обращение наложил следующую резолюцию: „Россия в своей борьбе за освобождение от большевиков в помощи инородцев не нуждается". Резолюция эта была одобрена „демократическим" Сибирским правительством. Такое отношение, ясно, не могло способствовать увеличению среди киргизов порыва к борьбе с большевиками. Этот грубый и гордый жест, конечно, диктовался не действительной ненадобностью „помощи инородцев", а боязнью — как бы не помочь киргиз-казакам организовать свою армию, с которой потом придется или считаться или „возиться". (По данным профессора Валидова, подобные же препятствия чинились также в деле формирования башкирских частей и когда они, при поддержке чешского командования, все же были сформированы и с честью дрались с большевиками, русское командование в конце концов позаботилось их обезоружить и расформировать. До этого точно также поступили и большевики с башкирскими частями, признававшими сов. власть. И белые и красные централисты одинаково работали в отношении инородцев. Осетинская пословица: „Белая собака, черная собака — все равно собака" — очень меткая пословица).

Это предположение подкрепляется тем фактом, что первым актом Уфимской Директории немедленно по своем сформировании была ликвидация правительства Алаша — „Алаш-Орды". (Этот акт был аналогичен повешению Кулабухова, аресту и высылке кубанских самостийников — членов Рады на Кубани. И результат, как там, так и здесь был почти одинаков: кубанцы бросили фронт и перестали драться с большевиками, а киргиз-казаки стали переходить на сторону большевиков).

Но и у большевиков, конечно, не удалось найти права и справедливости и тут киргиз-казаки должны были вступить в тяжкую внутреннюю борьбу за свое существование. Вот тут, когда в процессе поисков выхода выявилось действительное стремление киргиз-казаков войти в состав единого Туркестана, большевики изобрели „требования народных масс" и провели „межнациональное размежевание", „доказав" отсутствие экономической связи Казакстана с Туркестаном, что однако не помешало им возить казакский хлеб в Туркестан, чтобы здесь, за счет хлебных площадей, была увеличена площадь хлопкосеяния.

Как и всегда в таких случаях, большевики нашли и выдвинули из среды самого народа новых советских интеллигентов и их руками стали проводить свои "реформы". (Калмыки должны вспомнить роль некоторых наших интеллигентов в переселении донских калмыков в 1923 г.). Но даже из среды этой, выдвинутой киргизами, интеллигенции стали раздаваться голоса протеста против полного разрыва Казакстана с Туркестаном и все большего и большего прибирания его в руки Москвы, в результате чего многие из этих деятелей оказались „не на высоте марксистских требований", с „уклонами" и „контр-революционерами" со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Как отклик на стремления тюркских племен к об'единению, стоит привести выдержку из книги Муравейского (Очерки по истории революционного движения Ср. Азии): „Организация местной массы пошла по нездоровому, чреватому большими последствиями пути использования национальной интеллигенцией Советской власти для национального самоопределения. Очень скоро эти „национальные стремления" превратились в пантюркизм, в стремление создать из угнетенных народов востока единую нацию — тюрков. Таким образом, подлинные стремления к самоопределению национальностей, киргиз, узбеков, туркмен и т. д. было подменено общим лозунгом „об'единения их в единую нацию — тюрков".

Таким образом, с одной стороны все здравомыслящие элементы указанных племен стремятся к об'единению, видя в этом верный путь к спасению, а с другой стороны, Россия, хотя и Советская, находит такое об'единение „нездоровым", „чреватыми" дурными последствиями.

В порядке этого „строительства" Киргиз-казаки разделились между двумя автономными республиками: Туркестаном и Казакстаном. В 1924 году по „межнациональному размежеванию" эти части были об'единены в Автономную Казакскую республику — Казакстан.

Но борьба в результате этих двух противоположных требований (интересы России и тюркских народов) и есть миру незаметная борьба в виде всяких „басмаческих" и иных волнений. Например, только в марте 1930 года было серьезное восстание в Казакских степях, которое беспощадно, кроваво было подавлено отрядами ГПУ и сведения о котором не проникли в Европейскую печать, так как в самой России об этом не обмолвились. (Из лекций д-ра Шрома в школе политических наук в Праге, который в том году вернулся из России, после четырехлетнего пребывания там).

Нажимают на центральную власть и киргизские большевики. Так например, видный казакский большевик Садвакас-Оглы открыто обвиняет власть в колонизаторских стремлениях в Казакстане. В общем требования киргизских большевиков сводятся к следующему: 1) Прекращение притока русских переселенцев в Казакстан, 2) если это невозможно, то приостановить волну переселения хоть на время, пока сами киргиз-казаки не перейдут окончательно на оседлость, 3) создание крупных промышленных центров в Казакстане, например, текстильных фабрик и 4) применения к казакам-скотоводам иных способов раскулачивания, чем это практикуется в России в отношении „оседлых кулаков", ибо за отнятием скота у „кулаков кочевников", не имеющих ни обрабатываемой земли, ни навыка к земледельческому труду, им грозит гибель.

Само собою разумеется, что и эти требования для Советской власти — контр-революция, буржуазные уклоны, с которой нужно бороться „всей мощью советского аппарата". В конце 1930 года большевики провели среди киргизской интеллигенции многочисленные аресты. Но ряды этих „контр-революционных большевиков" растут. В последние месяцы аресты и ссылки производятся еще шире. Обыкновенно к арестованным пред'являют общее обвинение: „в создании контр-революционной организации, поставившей себе задачей оторвание Казакстана от Советского Союза и создание из него самостоятельного, национального, буржуазного государства".

Национальные организации Туркестана, как здесь, заграницей, так и там, на местах, действительно стремятся к созданию одного Туркестанского государства из вышеупомянутых 6 государственных образований.

Таким образом, киргизы стремятся к национальной независимости и к образованию с остальным Туркестаном самостоятельного государства.

И так, суммируя все сказанное о современном, подсоветском положении киргизского народа, приходится констатировать, что оно пока еще печальное.

Помимо политических тисков и экономических разорений, большевики не оставили без внимания и самую душу народа. Руссификаторская политика царской России, по своей грубой прямоте была менее опасной, так как была очевидной всей народной массе, которая стойко сопротивлялась против чуждых влияний, чем умелая политика большевиков, которые ту же политику проводят собственными руками самих представителей киргизского народа, разделив его на бедных и богатых и восстановив их друг против друга, как классовых врагов. Тут же рушатся старые традиции, нравы и обычаи, старый быт и былые общественные взаимоотношения. Всякие специальные школы (Институты народов востока) подбирают, обучают и выпускают в свет верных проводников советских мероприятий. Теперь, сплошь и рядом, в советских источниках встречаются женщины киргизки в ролях председателей исполн. комитетов, есть женщины коммунистки.

Темп руссификации всеми этими новшествами ускоряется, подтачивание национальных особенностей усиливается. Но, „нет худа без добра". Действие встречает противодействие. В противовес большевицким действиям встает пробуждающееся национальное самосознание и самолюбие угнетенных народов Средней Азии. „Туксиб" облегчает Советской власти переброску отрядов ГПУ в нужные районы и помогает высасыванию в центр местных соков, но он, в то же время, оживляет край, укрепляет связь между разными племенами тюрков, облегчая сообщение между отдаленными пунктами. Большевики уйдут, а дорога, прорезывающая Среднюю Азию из конца в конец, останется. Казакстан, хотя и созданная большевиками в демагогических целях, киргизским народом воспринимается как своя национальная республика, в которой они начинают чувствовать себя хозяевами, а не „временными арендаторами" на земле Русского царя. Так бывает иногда в истории народов: действия, направленные к денационализации и к еще большему закабалению, того или иного народа, лучше и больше всего способствуют пробуждению и возрождению его. В этом — ирония судьбы, ибо „ткань истории узорчата и фантазии ее не знают пределов"...

Если Туркестанское освободительное движение, базируясь на единстве задач (национальное освобождение) и на единстве препятствий (отсутствие у русских доброй воли к уважению национальных прав инородцев), задалось бы целью координирования сил и средств с другими народами, имеющими подобные же устремления (напр. и с Казачеством), то это только облегчило бы общую задачу, усилило бы общий фронт и значительно приблизило бы цель.

Atef.

Ю. Ф. Гончаров, как поэт.

(К двухлетней годовщине его смерти).

***

„Работников на еще целинном поле казачьей литературы... уже много; каждый из них проводит хоть одну бороздку, бросает хоть одно зерно, кладет хоть один камень в фундамент строющегося дома родной литературы. Само собою разумеется, что среди теперешних работников много случайных, недолговечных элементов, так сказать, поденщиков литературы, но надо быть уверенным, что время выветрит, очистит и, воздав каждому должное, оставит в стенах казачьего литературного дома истинных мастеров"... („В. К." 1930. №. 70. Стр. 21).

К этим последним нужно отнести недавно умершего (1929) поэта Юрия Федоровича Гончарова.

***

Первое стихотворение „Книги стихов" Ю. Гончарова — о „золотом волшебном кубке", где „горит хрустальный иней беззаботного веселья" (стр. 11), позволяло-бы ожидать, что и дальнейшие песни поэта будут такими-же радостными, что все его творчество будет золотым веселокипящим кубком.

Но уже ближайшие стихотворения колеблют эти ожидания. Еще несколько страниц — и мы совсем от них отказываемся.

Да, в поэзии Гончарова мало обещанного им веселья. Вообще немного у него светлых песен.

Счастливыми исключениями кажутся в сборнике такие стихотворения, как первое или как „Синий щит" с его радостной стремительностью (стр. 14):

Смелый призыв к древней воле —
Три сверкающих луча!
В черно-синем узком поле —
Три скрещенных пернача!..

Даже те некоторые стихотворения Гончарова, где просыпаны крупицы радостного, часто кажутся более хмурыми, чем светлыми, более холодными, чем теплыми.

Снег рассыпан сетью тонкой,
Да в следах под хрусткой коркой,
Затаясь, вода лежит.
Ночь темна, да яркий светл
Огонек во мгле —

говорит поэт о ночной дороге (стр. 12), но почему-то, уходя от этого стихотворения, больше помнишь следующие его строки:

Ночь глуха и небо черно.
Голый лес гудит покорно.
Только ветер мчит проворно —
По сухим кустам шуршит —
Ветер чащу сторожит.

Поэт видит „весенние дымы" (стр. 41), но „за пряжею" зимних „мятелей":

Смотри вперед: за пряжею мятелей
Весенние дымы взметнулись к небесам!
Иные голоса в подлуньи прогремели!
Велели людям жить — и зеленеть лесам...

В этом весеннем стихотворении зимы столько-же, сколько весны, если не больше:

И ты, и я, — мы хрусткие снежинки.
За крыльями зимы промчалися туда,
Где ночи — как хрусталь, и дни — как пламень жидкий,
Где в снежной синеве зыбятся города...
Мы видели во льдах узорные окошки
В глубины капищ северных богов!
Мы излетали все завьюженные стежки,
Овеянные сном и песнями снегов.

Не меньше места отводит поэт зиме и в прощании с весной (стр. 50). Заревое, весеннее:

Что мне споют весной зареявшие звуки?
Чей затаю, как снег, сверкнувший взгляд?..
И целовать кому трепещущие руки
Я буду на заре у каменных оград?..

заслоняется мертвенным, зимним:

Я ухожу. Пока. В морозные пещеры.
Послав прощальный знак верхушкам синих гор.
Застыть в метельной мгле, в лохмотьях снежно-белых,
Раскинув по снегам остекляневший взор.
И, омертвев в жилье холодных ураганов,
Задумаюсь о днях, летящих в смене лет...

Проводивши весну, поэт не принимает лета, — пройдя мимо тепла, солнца, уходит в зимние „морозные пещеры". Весенний взгляд женщины сверкнет ему льдистостью снега („чей затаю, как снег, сверкнувший взгляд?") Характерно это пристрастие поэта к зиме, к ее холоду, снегу.

Радость встречи с любимой как-то невольно ущербляется бледным солнцем, „чертой садов угрюмых",

тем, что для нее осенний вечер „в саван синий сад оденет“ (стр. 43).

Замыкайте берлоги хмурые,
Заходите в чужие дворы,
Выходите на площади шумные,
Беззаботные школяры!..

Быть-может, тут (стр. 48) сверкнет веселье? Нет:

... Старый мир наш давно заплесневел.
Бог — не любит наши пиры...
Веселите-ж прохожих песнями,
Удалые друзья, школяры!..

Даже веселье „Gaudeamus-а“ (стр. 27-8):

— Выше, друзья, полнозвучный стакан!
Хмельные головы — выше!..
Каждая балка — привольный нам стан,
Звездное небо — нам крыша!..

не так уже радостно у поэта:

Тусклы зеркала в табачном дыму.
В комнатах вечер мглится.
Между столами, склоняясь ко сну,
Бритые дремлют лица.
Шелестом слов зачарован камин...
Речи не слышно пылкой...
Вот, усмехаясь, поднялся один,
Звякнул о стол бутылкой.

Сумрачна, хмура лирика Гончарова.

Взгляд унылый прячут очи;
Сны — давно темны и грубы... (стр. 13).

Не сын, лишь хмурый раб я Бога... (стр. 23).

Долго-ль чувствовать бесплодный,
Окаянный сумрак дней?
. . . . . .
В тьмах блуждаю без дорог... (стр. 25).

Помертвев, мои сказки истлеют,
В мрак закатятся скорбным клубком (стр. 29).

Гаданья предрекли мне: вьюжную дорогу
И сумрачную жуть... (стр. 32).

Я знаю: где-то мир прекрасен.
Но — хмурый черен окоем... (стр. 34).

Часы хрипят. Бегут. И я,
Как прежде, сумрачно-спокоен (стр. 36).

Какие-же мотивы обвеяли ее хмурью, — отчего в ней так мало радостного, светлого?

Сам поэт отвечает на это:

Оттого... что прозвучала
Ложь в задумчивом ответе...
Оттого, что, видно, мало
Жить осталось мне на свете... (стр. 13).

И еще оттого, что „в край степей невеки“ ему „заказаны пути“ (стр. 25), что он никогда больше не увидит своей „разродимой сторонки“.

Горечь любви, предчувствие близкой смерти, тоска по родине, — вот главные мотивы лирики Гончарова; вот почему грустна она.

Не грусти, что сердце милой
Не тебя, — другого ждет...
Не грусти, что разлюбила, —
Завтра новая придет —

хочет поэт успокоить „неумолчный сердца стук“...(стр.16).

Ему „зимней ночью вспоминается обманувший смех девичий“... (стр. 21).

Темной осенней ночью снится —
. . . . . шелест платья,
Ночи чуткие мгновенья,
Слов мерцающих заклятья,
Нежных губ прикосновенье... —

и ранят душу „и тревожат все больнее“ эти „отголоски забытого“... (стр. 13).

Следя полет веков, предав свой мир безмолвью,
Вплетясь в ажуры дрем за сказочной межой,
Я вижу тот-же взгляд под прихотливой бровью

— в другом месте (стр. 31) вспоминает поэт о „надменном и чужом“, но дорогом ему взгляде.

Вот туда-б мне мою милую столкнуть! —
За огни в ее изменчивых зрачках,
За огни, что — для меня и — для других,
За тоску, что принесла издалека
И, смеясь, мне подарила в скорбный миг... —

шевелится злое желание в черном от боли сердце поэта над черною ночною прорубью во льду (стр. 38).

Эта ночь с тобой разделит, —
Нас разделит навсегда... —

„в хмельном плясе, в пеньи диком“ хоронит он „свой вешний сон“... (стр. 39).

Приходи любая — поцелуемся!
Приходи... Любую — полюблю... —

зовет он, оставленный — „продала... сменяла на другого“... — (стр. 40).

В другом месте (стр. 49):

Отравил мне кровь укус змеиный:
Догорал в окне закатный свет...
Я видал — ко мне повернутую спину
И померкший в отдаленьи силуэт...

Горька любовь поэта, — он сам назвал ее такою:

Колесом промчится солнце над полями —
И кого-то горько полюблю опять я... (стр.52).

Как видим, горечью этой любви напоено не одно его стихотворение.

Что в стихотворениях Гончарова слышится предчувствие близкой смерти, уже заметил поэт К. Поляков („Кн. стихов“, стр. 8).

Замечание это, относящееся к стихотворениям последних месяцев жизни Гончарова (нач. с середины 1928 г.), может быть распространено на весь период его поэтического творчества (см. „Кн. стихов“).

Мы уже слышали от поэта: „... видно, мало жить осталось мне на свете“... (стр. 13).

В другом месте (стр. 15) он обращается к времени, все приближающему его смерть:

Ты — время — мне плесни еще десяток капель,
В пустеющий мой ковш прилей огней и света...

„В хмельном плясе, в пеньи диком“ ему „панихидный слышен звон“... (стр. 39).

Он сам хотел-бы умереть:

Долго-ль чувствовать бесплодный,
Окаянный сумрак дней? (стр. 25).

Или:

Пусть — сильнее угрюмится вечер.
Мне-бы тоже... скорее уснуть (стр. 29).

Иногда ему даже весело думать о недалекой смерти:

Где-бы мне того могильщика сыскать,
Что придет мою могилу зарывать,
Где-бы нам с ним по душам поговорить,
Как-бы трубочку с ним вместе покурить?..
Как-бы мне с ним провести морозный вечер,
Посмеяться о последней нашей встрече?.. (с. 51).

Ему близки мысли о смерти вообще.

... Может, в час полночных снов...
В тенях полустертых
Я пойму — значенье слов...
И молчанье мертвых... (стр. 17).

В таком освещении можно рассматривать и „Заклинание“ поэта (стр. 47) с его темой конца, все смерти:

Изгуби ледяным дыханьем,
Трижды все прокляни навсегда!
Чтоб в кромешном и вечном тумане
Не воскресло ничто. Никогда.,

хотя более вероятным предположить, что это стихотворение написалось под влиянием русской поэзии (о чем ниже).

(Ниже и о мотиве тоски Гончарова по отчизне, — в разделе, посвященном теме родины у поэта).

Для большей полноты характеристики поэтического творчества Гончарова следует сказать о сказочном, фантастическом в его стихотворениях — этом отзвуке золотого детства поэта.

„Он написал тогда уже“, — говорит о поре его детства поэт К. Поляков („Кн. стихов“, стр. 6), — „хороший для своих лет рассказ о царстве колдунов и леших. В дальнейшем его творчестве рассказы такого именно фантастического характера занимали главное место“.

Если так было с прозой Гончарова, то в поэзии его находим только горсточку стихотворений, где отразилось это детское увлечение „царством колдунов и леших“.

Вот полночь с „серебряным рогом“ над чащей...
В чаще, неумолчно где ручей журчит,
Над костром колдунья тихо ворожит.
Пляшут феи вкруг волшебного огня,

Серебристыми чуть крыльями звеня;
Золотые искры в стороны летят,
Платья светлые бесшумно шелестят... (стр. 22).

А вот —

Через вербы сумрачно скрючась,
Мчится вихрем Баба-Яга.
. . . . . .
Сумрак спит над водою...
Спины горбя, молятся пни.
Хлещет ведьма тучи метлою.
По-над гнилушками пляшут огни... (стр. 24).

Сказочным веет от той зимней страны, „где ночи— как хрусталь, и дни — как пламень жидкий, где в снежной синеве зыбятся города"..., где светятся „во льдах узорные окошки в глубины капищ северных богов"... (стр. 41), и от того мертвого леса,

Где молчанье сплело голубое гнездо,
Где под елями спит в паутинах белесых
Сотни лет, сотни лет заколдованный дом,

ключ от которого „заброшен в гнилое болото", „а хозяину птицы склевали глаза".. (стр. 55).

Столько о сказочном в поэзии Гончарова. Разве вспомнить еще о „ведьмах летучих из огненных дыр" (стр. 47), о синем дьяволе непогожей ночи, что „кажет в окнах длинный перст" (стр. 39), о той осенней фее, чье дыханье звенит в прозрачности садов (стр. 15).

Характеру настроений, преобладающих в лирике Гончарова (быть-может, особенное внимание следует обратить здесь на мотив смерти), соответствует характер изображаемой им природы. Уже из выше рассыпанных отрывков мы могли заметить, что поэту близки сумеречные, темные лики природы (вечер, ночь), что она у него часто ущербна, мертвенна (осень, зима). Следующие сейчас примеры только подтвердят замеченное.

ВЕЧЕР.

Нежный вечер...
Лунный свет...
Ветви мечут
Черный след (стр. 16).
Залепило стекла льдом.
Ох, морозен вечер. (стр. 18).
Вечер молится кручам,
К темным плесам жмется куга... (стр. 24).
Загляжусь на звенящий полет,
Затоскуюсь в синеющий вечер... (стр. 29).
Здесь вечер в полумрак одет,
И шелестит кустарник зябкий... (стр. 33).
В предвечерней хмури город тонет.
Сумрак каменный над крышами поник. (стр. 49).

Достаточно указать, что в „Книге стихов" (43 стихотв., стр. 11—56) слово „вечер" повторено 18 раз (в 14 стихотв.).

НОЧЬ.

В умирающих аллеях
Ночью призраки таятся,
По кустам туман белеет,
В листьях шорохи ютятся... (стр. 13).
Ночь наступит. Прогремит
Час — звенящий молот.
В небо ветер улетит.
Омертвеет город... (стр. 17).
Непогожим, злобным ликом
Ночь ютится за окном... (стр. 39).
Где-то псы на белый месяц лают,
А дома — угрюмы и черны... (стр. 40).
Ты не шелести, ночная пустота... (стр. 52).

ОСЕНЬ.

Осень лист шуршащий стелет,
А в душе тоска сильнее...
Оттого, что грустен шелест
Умирающей аллеи... (стр. 13).
Задумчивых садов прозрачны очертанья...
. . . . . .
Осенний чуден сказ... и песнь еще не спета...(стр.15).
Вновь шумящую осень я встречу...
. . . . . .
У ступеней осенних хоромов
На беззвучных камнях мостовой
Схороню свои нежные дремы
И, смеясь, закидаю листвой... (стр. 29).
Спит октябрь, в осенних ризах увядая,
По пустым садам тревогу разметав... (стр. 30).
Узор летящих листьев, парка лик
мгновенный... (стр. 31).

ЗИМА.

К зиме поэт, быть-может, особенно неравнодушен. Уже в первом стихотворении (стр. 11), где огонь и золото, находим холодное „иней". Может-быть, неслучайно просыпался тут этот „хрустальный иней" в золотой кубок поэта. Дополним уже встреченные примеры новыми — и неравнодушие поэта к зиме станет для нас очевидным.

В искристом инее сквозит зимы дыханье,
И вьюги — снежные, разгульные затеи... (стр. 15).
... Небо — белый, снежный шлем,
... Вечер над землею (стр. 18).
... Снег... Зима... Деревья в инее...
Белым замело аллею (стр. 21).
Здесь вечер в полумрак одет,
И шелестит кустарник зябкий,
И с неба вьется бледный свет
Колеблющейся снежной шапкой... (стр. 33).
Снег изгладил все дороги.
Над рекою — стужа.
Над пустыней снеговой
Звезд дрожащих брызги (стр. 38).
... И в комнате тихой, где сумрак маячит,
Увидим, как реет за окнами снег... (стр. 54).

Это слово („снег") повторено в „Книге стихов" 9 раз; „снежный", „снеговой" — 8 раз; „иней" — 5 раз.

Не лишним будет отметить, что $^2/_3$ датированных стихотворений сборника (18 из 26) относятся своими датами к осенним и зимним месяцам.

***

Отдельно хочется сказать о казачьем элементе в поэтическом творчестве Гончарова, о строках, зарисовывающих отношение поэта к его родине.

Поэт искренно и горячо любил свою Казакию, свою „серебрянно-ковыльную Землю". Это он сказал: „себе самому служить мелко и нет удовлетворения... одно только и осталось — вера в Казачество, служение Ему"... („Кн. стихов", стр. 5).

Выброшенный в эмиграцию, поэт не забывает о своей далекой родине. Ему только кажется, что забыл ее:

Позабыл... наверно, навсегда я —
Аромат родных, пахучих трав...
Я забыл реки зеленые извивы,
Где взвилась Донца хрустальная петля;
Умерли мне чародейные мотивы
И серебрянно-ковыльная Земля... (стр. 30).

Признание в забвении родины звучит как тоскующее воспоминание о ней.

Здесь она блеснула ему своими серебрянными ковылями, метнулась „хрустальной петлей" Донца, — в другом месте „цветет древними курганами" (стр. 37):

Мне сквозь тьму тумана
Замерещился вдали —
Черный ряд курганов (стр. 17).

Поэт тоскует по родине. Тем-более тягостна ему разлука с ней, что нет у него надежды увидеть ее когда нибудь.

... Разродимая моя сторонка,
Ой да не увижу больше я тебя... —

эта казачья песня была, как отмечает поэт К. Поляков („Кн. стихов", стр. 8), любимой песней покойного. Тоскуя, поэт спрашивает:

Долго-ль чувствовать бесплодный,
Окаянный сумрак дней?
. . . . . .
Знать, что в край степей навеки
Мне заказаны пути,
Что не я один, бездомный,
В тьмах блуждаю без дорог?.. (стр. 25).

В другом месте (стр. 27) поэт хочет уверить себя, что и в скитании на чужбине ему хорошо:

Вся нам вселенная — радостный дом!
Всюду — родня нам найдется!..

Но тут-же, „принимая“ чужбину, восклицает:

Слава степям и реке вековой!
Ерикам, музгам, запольям!..
Слава — держащим пернач золотой!

Как золотой пернач, так-же дорог ему и синий щит. Вот прекрасные строки о нем (стр. 14):

Смелый призыв к древней воле —
Три сверкающих луча!
В черно-синем узком поле —
Три скрещенных пернача!
. . . . . .
Кто слагает гимн хвалебный
И о древнем кто грустит —
Тверже в руки щит победный,
Черно-синий, узкий щит!..

Поэту дорога „древняя воля“. Пусть не одно тяжелое воспоминание оставила в его душе недавно гремевшая борьба за эту светлую волю:

Безлюдье. Синеются лужи.
Уснул... или вымер народ
Хорунжий, убитый хорунжий —
У ветхих, подгнивших ворот...
. . . . . .
А конники — дальше промчались...
А пули — вперед понеслись,
Туманя песчаные дали,
Сверля синеглавую высь... (стр. 44),

пусть еще свежими раны, — он хочет новой брани, хочет видеть свой родной Дон опять восставшим:

За родимые могилы
Встань, мятежный Дон! (стр. 35).

Ему не страшна смерть за родину:

... патрон влагая новый
В дымовом кругу,
Позавидую сурово
Павшему врагу (там-же),

как не страшно убить и родного отца, если „он — с чужими да с погаными“:

Может-быть, обнимусь с ним за беседою,
Может — шашкой стальной стебану чрез плечо (с. 37).

Он — с теми,

Кто — смеется смерти в очи,
Кто — за горсть родной земли
Бросит жизнью в жертву ночи,
Чтоб сказанья вновь цвели (стр. 14).

Таков Гончаров — казак в своем поэтическом творчестве.

***

При генетическом подходе к поэзии Гончарова нельзя не заметить, что она, при всей своей самостоятельности, слегка тронута влиянием некоторых русских поэтов.

Наиболее ощутимо здесь, кажется мне, дыхание Есенина. Его можно уловить, наприм., в этой строфе:

Что-то мне невесело *щуриться в туман*,
Голову морочить глупыми печалями. —
Будто мозг сжимает мне белесая луна,
Будто сотня лет повисла за плечами (стр. 52)

(у Есенина:

Нет, уж лучше мне не смотреть,
Чтобы вдруг не увидеть хужего.
Я *на* всю эту ржавую *мреть*
Буду *щурить глаза* и с'уживать).

Что-то от Есенинской грусти есть в признании поэта:

Позабыл... наверно, навсегда я —
Аромат родных, пахучих трав... и д. (стр. 30)

и, может-быть, в стихотв. „Вновь шумящую осень я встречу“... (стр. 29), хотя от строфы его:

И пройду, окруженный ветрами,
Тяготяся бездумьем в мозгу.
В величавом осеннем храме
Об ушедшем я память сожгу...

веет больше Блоком, чем Есениным.

Гибельной Есенинской откровенностью дышет вот эта строфа:

Ты опять пуста, глухая улица!
Эх-бы голову... в огонь, или — в петлю...
Приходи любая — поцелуемся!
Приходи... Любую — полюблю... (стр. 40).

Можно думать, что и „Заклинанием“ (стр. 47) Гончаров до некоторой степени обязан Есенину.

У Гончарова: *Страховиден*, жесток, гряди!..
Лик сокрой полуночной темью,
Трепетаньем исполни пути!..
Изгуби ледяным дыханьем...

У Есенина: *Как пожар, размечу волосья*
И лицо закрою крылом.
. . . . . .
Все тыны твои, все заборы
Горстью *смету*, как пыль...

У Гончарова: Твой каблук, *прошагай через тучи*...

У Есенина: *По тучам иду*, как по ниве, я...

Вообще такое стихотворение (тема конца) легко могло быть навеяно недавней русской поэзией с ее эсхатологическими чаяниями. За это и некоторые детали его (небесный Кремль, монахи).

Строфа Гончарова:

Я не хотел Вас встретить вновь,
Скрестить пылающие *взгляды*;
Увидев трепетную бровь,
Развеять хрупкие преграды (стр. 46)

напоминает Блоковское:

Ваш взгляд! — его мне подстеречь...
Но уклоняете вы *взгляды*.
Да? Взглядами боитесь *сжечь*
Меж нами *вставшие преграды?*,

а:

Нежный вечер...
Лунный свет...
Ветви мечут
Черный след (стр. 16) —

начало „Двенадцати“:

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер...

В напевности (и нарядности) стихотв. „У прозрачного затона“... (стр. 42) можно усмотреть влияние Бальмонта. Вот:

Из туманных волнований, из вечерних очертаний,
Тени нежные сгущая, мягким светом освещая,
Передам пером волшебным я причудливый портрет...

***

Формой стиха Гончаров владеет хорошо, часто — мастерски.

Вот пример его хорея (размер, сравнительно часто встречающийся у поэта):

Над скалой повисли ели.
Выше — замок вековой...
Выше — рыцарь в черном шлеме!..
Выше — месяц золотой...
. . . . . .
... В полночь песнь замрет покорно...
Замок спит... и месяц спит...
Лишь на башне рыцарь черный
Бьет копьем в тяжелый щит. (стр. 19).

Не менее хороши хореические строфы „Синего щита“ (стр. 14), из которых две — начальная и конечная — приведены выше.

А вот ямбические строфы:

Иссякнет ночь в пустом окне
И бледность лик уставший тронет.
В душе потухнет острый гнев
И мысль в безмолвиях утонет.
Скользнули в пропасть бытия
Усмешки женщин... Стих мой строен.
Часы хрипят. Бегут. И я,
Как прежде, сумрачно — спокоен (стр. 36).

Как видим, поэт вправе сказать о своем стихе: „стих мой строен“.

Быть-может, с неменьшим правом он мог-бы сказать: стих мой звучен. Вот примеры некоторых его ассонансов и аллитераций.

Ассонансы:

Завтра слушать буду ветер
В тишине, в тепле... (стр. 12) — *у-е* —
Словно сон проходят снова
И тревожат все больнее — *о* —

Отголоски забытого... (стр. 13).

Лишь на башне рыцарь черный
Бьет копьем в тяжелый щит. (стр. 19). — *е* —

Моя душа — поток мятельный.
Давно потерян мною крест. (стр. 23). — *о-е* —

Хмурью в комнате волнуются волокна. — *у-о* —

Одиноко я ссутулился в углу... (стр. 30). — *о-у* —

Аллитерации:

С лодок песня в высь несется,
Сонно весла шелестят (стр. 19). — *с* —

Белым замело аллею... — *л* —

Звонкий смех и глазки синие... (стр. 21). — *з-с* —

Тусклыми бликами стекла блестят... (стр. 28). — *кл-лк* —

В саван синий сад оденет... (стр. 43). — *с* —

Приемлют посмертный поклон... (стр. 44). — *п* —

Что мне споют весной зареявшие звуки? — *зс* —

Чей затаю, как снег, сверкнувший взгляд? — *з-с* —
(стр. 50).

Соединение ассон. с аллит.:

Нежный вечер...
Лунный свет...
Ветви мечут — *ве* —
Черный след (стр. 16).

... Нет. Не верен никому
Ветер — чуждый вестник (стр. 17). — *ве* —

В мрак закатятся скорбным клубком (стр. 29). — *ка-ко* —

Между рифмами у Гончарова очень часто встречаются ассонансные. Вот: стелет—шелест; капель—факел; степью—третью; колен—шлем; хороводы—бесплодный; дыму—сну; запольям—здоровья; странным—камнем; брызги—прогрызла; заплесневел—песнями; бокалов—дьявол; улица—поцелуемся; помахивал—анафему, и др. Точные рифмы очень редки (губок—кубок; об'ятья — опять я, и др.).

Этим окончу ряд своих наблюдений над „Книгою стихов“ Ю. Ф. Гончарова, — так много обещавшего и так рано умершего казачьего поэта.

Вл. Куртин.

Последний голос.

Фронт пятился назад. Длинные „штабные“ составы молча проползали через пьяно-панический Ростов, направляясь опять в „самостийный“ Екатеринодар, над которым еще кружилось воронье, слетавшееся клевать тело

„изменника России“...

По станицам, точно удушливый газ германского фронта, расползся яд озлобленности на всех и вся и — гражданской аппатии, — той фатальной болезни, об'ективные признаки которой выражаются в безнадежном отмахивании руками и неусидчивости, а суб'ективные — в смертной тоске и ожидании конца. Все равно какого, только конца...

Было Рождество. В каждом доме пили и ели, пели и — пили... В каждом доме обсуждали „положение на фронте“ и — загягивание большевиков „в мешок“, которое г. Деникин приготовляет им под Ростовом. В каждом доме со страхом ожидали расправы над членами Рады возвращающихся добровольцев, ибо казнь Кулабухова считали —

началом.

— Казаков на фронте поб'ют большевики. Стариков по станицам — добровольцы... А те и другие — Рассейцы... Сила их... а потому, вместо отпора:

... „Выпьем, товарищи, выпьем
По баночке только одной...
И друг друга мы больше не увидим,
Не придется нам встретиться вновь“...

Порыв пропал. Сверхестественное напряжение физических и духовных (творческих) сил, брошенное чужою рукою

— „За Русь святую“

сменилось:

„Усмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом“...

Враг наступает. Враг отступает... А „промотавшийся отец“ — мост между капиталом и невинностью из атаманской булавы сооружает...

Казаки-ж не знают:
— Чи казнити своїх,
Чи бити чужих...

А потому:

„Выпьем, товарищи, выпьем...

Мать укладывает в чемодан белье. Украдкой смахивает слезы. Смотрит растерянно, тоскливо... Комната, с разбросанными в беспорядке вещами, кажется чужой. А в соседней гости поют:

— ...„Ты куда, милый мой,
Убираешься“...

— А чорт его знает — куда, думаю я.

— Разве я знаю куда нас заведет эта роковая дорога „на Москву“?...

Мать плачет. Смотрит на меня — душу жжет...

— О, не смотри на меня так, родная! Не спрашивай!.. Ибо и я — ничего не знаю...

— Придут ли опять русские? (Она большевиков называла русскими: где-ж ей было разобраться в русских политических партиях?)...

Обнял ее. Поцеловал. Крепко, крепко прижал к груди ее седую голову...

— Не знаю...

— Когда вернешься?..

— Когда вернусь?.. — Вернусь ли, чуть было не сорвалось с языка..

Уехал. Дорогой никак не мог отделаться от мелодии песни:

— Ты куда, милый мой,
Убираешься?..

Вертится в мозгу неотвязно, надоедливо и властно:

— Куда?

— На один из „фронтов“!

— Э, это не ответ...

— К у д а?

— Не знаю...

Мать ожидала ровно: „три недельки“. Не дождалась: свалил тиф. Свалилась как раз в тот момент, когда во дворе дымились походные кухни завоевателей, а в „зале“ бренчал на пиянино

— красный командир...

Отец держался долго. Целых 8 лет ожидал он, чтоб, обнявши меня, сказать:

— Ныне отпущаеши раба твоего...

До самой смерти своей надеялся, что еще увидит сына. Увидит Казачество. До самой смерти, плохо повинующейся, парализованной рукой, записывал и посылал мне:

— Песни Вольных казаков и Вольных казачек...

А в один жаркий день я получил на почте его фотографию — в гробу:

Иссушенное до неузнаваемости лицо, высохшие до костей кисти рук с тоненькой свечкою. Из-за гроба стоит мой брат — с белыми, как у отца, волосами на голове, с белыми, висящими вниз усами. Брат, как и отец не позировали: фотографическая пластинка с холодной об'ективностью зафиксировала — покой замученного и судорогу отчаяния, гримасу неописуемой боли — мучимого...

Тридцативерстный путь от почты до „дома“ прохожу не спеша. Да и как спешить? — Слишком уж тяжела боль, что несу в своих руках... Слишком слабо видна дорога... Вечером взобрался на перевал. Сел отдохнуть. Между низкорослыми дубками шуршит ветер. Снизу, из-за перевала доносится нудная перекличка сычей. Там, внизу стоит моя „куча“...*) Посмотрел на

*) Хата.

небо, застланное быстро бегущими, мышиного цвета тряпками; посмотрел на угрюмые утесы „орляче“; провел глазами по бесчисленным вершинам спящих планин*) и опять сел. Зажег спичку. Посмотрел на отца, плачущего над ним брата... И не выдержал: заплакал и сам... с придавленным подвыванием, с конвульсивным подергиванием челюстей, спазмами в горле...

— Что пережил ты, родной мой?.. Что передумал за эти долгие годы — одинокий, разбитый тоской, болезнью и голодом... грязный, вшивый?.. Где семья твоя: сыновья, дочери, внуки, зятья?.. Умерли, убиты, в тюрьмах, в изгнании...

Опять черкнул спичку: посмотрел отца, плачущего над ним брата...

— Никогда вас не увижу. Никогда... Вы — там, а мне умереть тут...

— „Тут“ подхватывает высоким фальцетом чук,**) „тут“ потверждает другой несколькими тонами ниже. —

Внезапно нахлынул туман — знак, что перевалило за полночь. Спускаюсь вниз, на дно глубокой котловины, где стоит „моя куча“...

Дни изгнания потекли опять...

Живу в куче, а мысли — в далеком доме, право на который зубами отстаивает племянник, ибо брат, после смерти отца „пропал без вести“...

Вместо угловатых, неторопливых слов (Бог знает сколько времени он их выводил!) отца, оканчивавшихся неизменным:

— Да хранит тебя Бог!

стал получать нервно набросанные, разбегающиеся строки племянника.

В каждом слове, в каждой линии букв вижу его отчаянную борьбу за Дом, за Сад, за Поле. Вижу жгучую ненависть к водворяющимся „комкацапам“, „хамселам“... Племянник чувствовал, что после смерти отца всю свою любовь я перенес на Дом и потому писал мне о нем, как о едином еще оставшемся в живых и ожидающем меня в свои об'ятья родном существе.

Эта борьба за „Дом“ была долга и ожесточенна. Борьба чисто звериная. Племянника просто выкидывали, а Дом передовали колхозникам. Но через некоторое время в Доме опять жил племянник, а колхозники удовлетворялись в другом месте. То Дом превращался в „клуб“, то в „избу-читальню“, а потом его опять занимал племянник по

праву внука.

*) Гор.

**) Чук — сыч.

Следовало победное письмо:

... „Когда вернетесь — найдете все в порядке. В доме все — по старому“...

Потом, очевидно, новая „инвазия„, новая „наезда“.

... „Приезжайте волков бить. Развелось их не только в тернах, но и в самой станице“...

... „Тяжело. Руки отваливаютя. Чувяки хоть из шпагата сшиты, а все же скрипят. Слышно, когда проходишь. Но, да увидимся — все расскажу“...

Потом — долгое молчание. Думаешь, что нить оборвалась. И опять неожиданно получаешь:

... А цены у нас таковы... И перечисляет. Т. е. сообщает, чего и сколько у него в доме имеется...

И так продолжалось почти два года. Мой дом был жив и не сдавался. И, хоть и редко, но сообщал, что он жив и сдаваться не думает.

В нем жил мой дух, дух моего отца и деда, сколотившего его из крепких кубанских дубов, когда станица еще была обнесена земляным валом. Внук, как святыню, берег Дом, а Дом духом предков, живших в нем, берег внука. И когда тоска по родине угнетала меня до отчаяния — голос Дома утешал, бодрил, вселял в усталую душу веру, что еще взяли не все.

Родной Дом — в родных руках и влечет к себе, как Остров Спасения..

Потом письма стали приходить все реже. И писал их уже не племянник, а его жена. Племянник был окован „общественной“ работой, как мягко называла его жена советскую каторгу...

— Сад поделили. В поле и не подпускают. В Доме — канцелярия ударной бригады лапотников...

... „В руках Митро (2-хл. ребенок) и узелок с тряпьем. На спине мешок с кукурузой, мукой, котелком и ложками... За юбку ухватились Маруся и Вера...

... Обошла все комнаты, поцеловала все пороги и двери... Дети ревут... Реву и я с ними. От слез ничего не вижу... Обошла двор, баз, саманник... Посидела минутку в палисаднике...

— Все у вас отняли, дорогой дядя!.. Все!..

Вытолкали нас на улицу, хлопнули дверьми... Слышу — и на задвижку заперли... будто ножем в сердце пырнули“...

Это был последний голос Дома. Последнее прости родных...

Жена племянника, с тремя детьми, „пропала без вести“... как и ее муж. Как и отец ее мужа... Как и многие другие тысячи кубанских казаков и казачек...

Последняя нить оборвалась. Последнего голоса подать уже некому...

Н. Нечуй-Левицкий.

Они и мы.

16 насыщенных событиями до отказа лет прошло с тех пор, как мир человеческий сошел с пути и поставить его снова на рельсы никак не удается. Сколько светлых умов работает в поте лица над проблемой социального оздоровления человечества, а возу все нет ходу и род людской по-прежнему корчится в муках недуга. Какие только лекарства не предлагаются и не применяются, но больной не поправляется. В его здоровьи не заметно улучшения... И было бы опрометчивым обвинять болящего, если он (в лице своего наиболее ущемленного органа — пролетариата), изуверившись в „буржуазных докторах“, готов искать иногда исцеление у делекого советского знахаря, который щедрой рукой разбрасывает свои снадобья по всему земному шару и расхваливает их до хрипоты.

Мы пробовали эти снадобья и знаем „целебные“ их свойства... Одно напоминание о марксистской касторке, или колхозных пилюлях, подкрепленных чекистским массажем тела и отправкой в соловецкую „санаторию“, способно вызвать у эмигранта неудержимую рвоту и зверский понос проклятий... Не особенно доверяя буржуазным лекарствам, мы обеими руками открещиваемся от коммунистического зелия... Зато пролетарские мухи Запада этого не знают и летят на сладкую приманку, не подозревая, что в ней таится страшный яд...

В последнее время говорят о новом средстве, которое открыл один выдающийся политический врач — европейская знаменитость... Оно называется Паневропой — сиречь — европейские Соединенные Штаты. Чудодейственный доктор исходит из той простой до гениальности мысли, что оздоровление части организма должно благотворно отразиться на всем организме — оздоровление Европы поведет к выздоровлению всего мира... Обыкновенному смертному трудно судить о правильности взглядов специалиста по политическим болезням, но он вправе задать себе вопрос: можно ли быть уверенным, что данный медикамент поставит больного на ноги, чтобы не тратиться по-напрасну?

Для осуществления прекрасной мечты — Паневропы нужны самоотверженность и искренность европейских государств. Но, в них хлещет мутный вал взаимного недоверия и эгоизма. Дипломаты разных стран устраивают частые конференции, изощряются в метании цветистых фраз, в то же время „держаша камень за пазухой“, по картинному выражению летописца. С'езжаются не для того, чтобы договориться, а чтобы выведать, подметить, нащупать слабые стороны противника и их

использовать. Нет добросовестности, отсутствует честность и прямота волеиз'явления к соглашению. Ни на минуту не забывается правило, что дипломатам язык привешен для того, чтобы скрывать свои мысли...

А в Европейском котле варится, варится, варится... А красный хищник алчно глядит, когда котел треснет и можно будет поживиться... И удивительно, что все это знают, но продолжают разжигать под котлом уголья, как бы толкаемые какой то роковой силой... И помимо воли становишься фаталистом, начинаешь верить в какие то высшие непреложные законы, ведущие человечество к загадочным, неведомым целям, вопреки его разуму и желанию. Глядя вокруг себя, понимаешь с убийственной ясностью, что скорее большевики начнут креститься и молиться, чем европейские народы соединятся в дружную, любящую семью, чтобы общим фронтом отражать наскоки красного неприятеля, готовящегося к генеральному бою...

Есть впрочем, одна возможность организозать европейские государства в Соединенные Штаты Европы. Это — если бы Америка осуществила фантастический проект отвода Гольфштрема от берегов Европы к своим берегам. Тогда на нашем континенте наступили бы сибирские холода и европейские народы сплотились бы в один клубок (по примеру ужей на зиму), чтобы совместными силами отвоевать у заокеанской соседки право на благодатное течение. Большевицкая же опасность не кажется им настолько серьезной, чтобы бороться против нее организованно и единомысленно. А красный коммунистический скорпион все разбухает, набираясь сил для последнего смертельного укуса...

Нас, казаков, Паневропа может интересовать лишь постольку, поскольку она представляла бы собой реальную силу, готовую помочь нам в борьбе за освобождение Казакии от красных оккупантов. Пока что — Паневропы нет, а на наших казачьих просторах раздаются звуки интернационала... Нашему сердцу ближе мечты о Казачьих Соединенных Штатах, куда войдут на свободных началах все освобожденные Казачьи Земли. Наше заветное желание — сначала раз'единиться с красными хозяевами — рабовладельцами, а потом об'единиться между собой. Всякие иные об'единения, кроме казачьих, для нас если не отрава, то, во всяком случае, крепкое слабительное, распыляющее нашу казачью силушку, без пользы для казачьего дела. Ведь и в денный момент казачьи Края входят в одно такое „об'единение", которое называется СССР, а по существу является Пантюрьмой многих народов...

Единение — прекрасная вещь, спора нет, но только тогда, когда оно добровольное. Об'единение же, или союз, в котором сейчас стонут наши расказачиваемые братья, есть об'единение цыгана с медведем, как метко определил один из сотрудников „В. К.". За освобождение от такого союза Казачество будет бороться до последнего вздоха. Замученному и голодному казачьему „медведю" красный цыган продел сквозь ноздри тяжелую железную цепь и волочит его с собой уже больше 10 лет, заставляя плясать под музыку интернационала и проделывать всякие колхозные фокусы... Неудивительно, что несчастный „медведь" готов поплатиться целостью ноздрей, чтобы только избавиться от своего мучителя.

Недавно один из „неделимцев" попрекнул меня: „Вот видите, все сейчас об'единяются, чтобы бороться с коммунистическим злом, а вы, казаки, вздумали „самостийничать".

Да, мы вздумали самостийничать, потому что мы желаем быть самостоятельным и свободным народом, как другие. Когда мы будем свободны, мы не откажемся от союзов с соседями, но с теми, которые нам будут угодны и на условиях нам приемлемых.

Наше желание скромное: наша хата с краю... Нам ее подожгли и „об'единили" в СССР.

Наша цель — Панказакия, в которой мы желаем быть панами, а не батраками красных панов, а в чужих „пан"-ских организациях не нуждаемся.

Да здравствует Панказакия!

Думы и мысли.

Алексей Персидсков.

Украинцам из „Розбудови нації".

Да, были времена, когда с склоненной пикой
Шли казаки-донцы на запорожцев в бой,
Когда послушные, в беспамятстве великом,
Січь руйновали в союзе с Москвой.
Была и грамота царицы Катерины:
За честь и доблесть казакам хвала.
Все было. И Сечи разбитые руины,
И на дрекольи Кошевого голова.
Был и призыв голутвенный Богдана,
Которого не слышал на Дону никто
И Кошевого Сирка сабельная рана
Напрасно исказила старое лицо.
Теперь умолкли боевые кличи,
Нет Сирка, Запорожья, Дона...
Зачем же здесь сыны погибшей Сечи
Хотят вернуть донцов в России лоно?
Зачем теперь, с открытою злобой,
Приравнивать донцов к каким то полицейским,
И говорить насмешливо: „Народ особый,
С укладом жизни и душой лакейской".
Нет, мы, как и вы, дышать хотим свободно
И новую народность нам не создавать,
А если Дону Тихому покажется угодно,
То может и империю степную основать.
А что касается кубанцев-черноморцев —
Донцы их не неволят к вольному житью.
Теперь уж нет тех Александров Миротворцев,
Которые б дырявили казацкую ладью.
Пусть каждый выберет себе дорогу,
Хорошую ль, плохую — все равно!
Казачьи-ж шляхи к Таганрогу
Были протоптаны казачьими конями
уж давно.

18/II 1931 г.

Г. Алферов.

На смерть казачьих народных героев.

Там, в Казакии, нашей отчизне далекой,
Есть могилы сейчас забытые, —
Не цветами — бурьяном они,
Мхом-травою теперь повитые...

В них герои спят непробудным сном
Все, кто был там вождями народа,
Кто все время боролся с коварным врагом,
Кому жизни дороже была свобода.

В годовщину безвременной смерти их
Не пришел, знать, никто на могилу ту
И из казачьих очей своих
Не пролил по ним там, на могиле, слезу...

Не отпета еще панихида по ним
Там, в родимых казачьих Краях,
Не клубился кадильный дым
На казачьих могилах-холмах.

Спят герои глубоким сном,
Но все-ж слышат они „там" и знают,
Что их братья идут на борьбу со злом
И Казачеству волю опять добывают.

А когда побежден будет кровный наш враг
И вернутся к нам правда и сила,
Мы сине-малиново-желтый стяг
Низко склоним над их могилой.

Памяти забытых героев и мучеников Казачества.

Недавно образовавшаяся Общеказачья Нью-Иоркская станица устроила 8 сего февраля после литургии в Патриаршей церкви молебен и освящение помещения станичного правления и общежития при нем, которые находятся в Нью-Йорке в том же здании, что и церковь. Перед молебном была отслужена панихида по погибшим в период борьбы с большевиками Донского Войска: А. М. Каледине, А. М. Назарове, Е. А. Волошинове, М. П. Богаевском, В. М. Чернецове и Ф. Д. Крюкове; Кубанского — И. М. Успенском и Бабиеве; Терского — М. А. Караулове; Сибирского — Л. Г. Корнилове; Оренбургского — А. И. Дутове и всем казакам и русским воинам.

Собравшись помолиться за своих безвременно погибших казачьих вождей, большинство которых в своей деятельности играло выдающуюся роль в белом русском движении, Общеказачья станица на панихиде обошла молчанием тех казачьих вождей, которые не пожелали связывать судьбу Казачества с Добровольческой армией, которые остались до конца верны только казачьим идеалам, за что и приняли мученическую смерть, если не от красных, так от белых оккупантов Казачьих Земель.

Если Тихий Дон родил лихого партизана Чернецова, то Вольная Кубань не менее гордится своим Галаевым, который в то же самое время играл такую же роль на Кубани, как Чернецов на Дону и точно также как и первый безвременно погиб на своем посту. Внеся в список погибших вождей Казачества умершего от тифа донского писателя Ф.Д.Крюкова, и не упоминая в то же время на панихиде о таких казачьих деятелях и мучениках Казачества как К. Л. Бардиж, Н. Ст. Рябовол и А. И. Кулабухов, эта организация дает повод призадуматься о том, является ли этот факт просто оплошностью Станичного Правления или выявлением политической физиономии этой новой казачьей организации в Нью-Йорке.

Поскольку на панихиде „позабыли" помолиться за этих мучеников Казачества, беру на себя приятный труд помянуть их добрым словом на страницах журнала, чтобы зарубежное Казачество знало за исполнение каких идеалов приняли мученическую смерть эти казачьи деятели.

Под'есаул К. Л. Бардиж — видный общественный деятель, член Государственной Думы всех ее созывов от Кубанского Войска.

После октябрьского переворота в Петрограде в 1917 году организовывает для защиты Кубанского Края от большевиков отряды Вольного Казачества. После сдачи 28 февраля 1918 года гор. Екатеринодара большевикам — пробирается в Туапсе, где и попадает в руки большевиков. На его глазах красноармейцы расстреливают на пристани Туапсе его двух сыновей — офицеров и, после долгих издевательств, убивают и его самого.

Не менее зверски расправлялись в Казачьих Землях с казаками, если те им становились на пути, и белые оккупанты Казачьих Земель, которые появились у нас, спасаясь из России от большевиков в 1917-1918 г. г. и которые сперва как будто бы искренне хотели помочь казакам в борьбе их с большевиками, а кончили тем, что желая возглавлять на наших землях белое движение, стали из-за угла расстреливать и вешать неповинующихся им казачьих избранников: В ночь на 27 июня 1919 года в городе Ростове на Дону в вестибюле гостинницы „Палас Отель" двумя выстрелами в голову был убит агентами Добровольческой Армии казачий патриот Н. Ст. Рябовол, Председатель Кубанской Краевой Рады. Это убийство произошло в самый расцвет деятельности Доброармии, которая считала борьбу с большевиками почти что выигранной, уже не скрывала своих реставрационных целей при восстановлении России и настолько считала себя сильной в то время, что не церемонилась с теми, с кем ей было не по пути. В это время в Ростове на Дону происходило совещание представителей Юго-Восточного Казачества по вопросу об установлении, с одной стороны, взаимоотношений казаков между собою, а с другой — с командованием Вооруженными Силами на Юге России. Дело клонилось к тому, чтобы всю полноту власти в освобожденных от большевиков Казачьих Землях также как и командование соединенными казачьими армиями взять в свои руки составленному из представителей Юго-Восточного Казачества своему правительству. Работа казачьей конференции в корне расходилась с планами Особого Совещания, которое через своих агентов и решило путем террора повлиять на направление работы этой конференции; особой ненавистью „добровольцев" пользовались кубанцы и как наиболее активный и сильный представитель их, присутствовавший на этой конференции, пред. Куб. Рады Н. Ст. Рябовол.

Единонеделимцы, убравши со своего пути Рябовола, потом воочию убедились от какого большого противника они себя избавили: это убийство было невознаградимой потерей для Кубанского Казачества; не было станицы на Кубани, где бы не была отслужена панихида по Рябоволу.

Кубанская Рада, в воздаяние заслуг покойного своего председателя постановила не выберать нового председателя, а это место и впредь считать за Н. С. Рябоволом.

Через несколько месяцев после этого убийства, в ноябре м-це 1919 года, командованием Добрармии был произведен бессмысленный и ненужный эксперимент над целым Кубанским Краем, который роковым образом повлиял на все последующие за этим события. Был произведен государственный переворот на Кубани, разогнан кубанский парламент — Кубанская Краевая Рада, 12 членов которой были высланы за границу и был повешен по личному приказу ген. Деникина член Кубанской Рады казак-священник Алексей Иванович Кулабухов. Приговор был приведен в исполнение без лишения сана священника на крепостном дворе, возле старого войскового собора.

Казачья эмиграция в Европе, которая более живет политической жизнью, чем казаки в Америке, уже сделала там политическую переоценку ценностей и имеет определенный чисто казачий взгляд на события во время „гражданской" войны в Казачьих Краях; сюда же в Америку, эта волна еще не докатилась и когда в Европе в день мученической смерти этих казачьих избранников, — Казачество молится за них и вспоминает в эти дни их в казачьей прессе, казаки в Америке об этих фактах пока что умалчивают.

Придет свое время и народное предание из уст певцов Казачества в бесхитростных казачьих думах под акомпанимент бандуры будет воспевать своих мучеников — героев Казачества, принявших мученическую смерть за лучшую долю своего народа.

10 февраля, 1931 г. Нью-Йорк.

Инж. М. Черныш.

Юбилейная пощечина казакам.

Ответ Н. Алексееву на статью его „Тринадцать лет" в газете „Возрождение" №. 2091:

Не могу молчать. Рвется казачье сердце на части при чтении наглых поклепов, возводимых на казаков.

Статья приурочена к тринадцатилетию „Степного похода".

Алексеев пишет: „1 декабря 1917 г., когда был взят нами Ростов, донское казачество дало всего несколько десятков учеников фельдшерской школы, которые последовали за Назаровым и его батареей. Это было все в тот момент, что мы почерпнули не из своих рядов, не из среды пришедших на Дон с других мест России".

Что это значит и как прикажете понимать вас, г-н Алексеев?

— Есть ли это простое „недоразумение" или очередной юбилейный плевок в истерзанную душу Казачества, добиваемого большевиками?

Я офицер 46 Донского казачьего полка, один из руководителей Верхне-Донского восстания, участник всех боев под Ростовом с самого начала появления там большевиков: Арнаутова, Сырцова и др. вплоть до

оставления города. Кроме меня, здесь есть и другие свидетели боев под Ростовом, которые сейчас работают в Париже и адреса их мне известны. В своей статье вы пишите, что при взятии Ростова кроме 300 человек добровольцев, казаки, кроме десятка фельдшеров, из бойцев не дали никого. Не желая углублять раз'единяющего клина, забиваемого вами в существующие уже отношения между казаками и добровольцами, я, как казак, не умеющий вилять хвостом, говорю вам прямо. Неужели у Вас, сотрудника Российского „Национального" органа хватило смелости в юбилейной статье, искажая исторические факты, писать о Казачестве заведуемую ложь? Вам нужны доказательства? Я их привожу. —

Наступление на Ростов, кроме указанной вами цыфры — добровольцев в 300 человек, со стороны Армянского монастыря вела — 1) бригада казаков в полном боевом составе 46 и 48 Д. к. полков, около 2000 человек, под командою полковника Краснова, при командирах полков полковниках: Дукмасове и Цыганкове; 2) от станицы Александровской: 5-й Донской пеший баталион, юнкера Новочеркасского казачьего училища, слушатели урядничьих курсов, кадеты, гимназисты и старики-казаки добровольцы от ближайших к Ростову станиц; 3) по бугру от станиц Аксайской и Александровской шла Донская батарея есаула Попова; 4) от станицы Гниловской наступал с артиллерией не какой то Назаров, а последний расстрелянный большевиками Атаман Всевеликого Войска Донского. Общим наступлением руководил сам покойный Атаман, генерал А. М. Каледин.

Вот все, что я представляю на суд и заключение читателя по поводу статьи Алексеева, написанной о казаках. Сам же я уверен, что г-н Алексеев своей статьей сознательно решил перед лицом русской эмиграции и иностранцев унизить имя казака. Но, этому никогда не бывать, ибо исторические факты говорят сами за себя, как и тот факт, что г-н Алексеев никогда не был лобовым-фронтовым офицером, а всегда лишь офицером для „Индивидуальных поручений".

Есаул **Сафонов** (Ст. Вешенской).

Казачья эмиграция.

В Париже.

1 марта Общество Ревнителей Казачества устроило собрание, на котором состоялось продолжение прений по докладу Тульцева на тему „Наши задачи". Так как на собрании присутствовало много лиц, не бывших на докладе, высказано было пожелание, чтобы докладчик сказал краткое вступительное слово.

Тульцев: Наши основные цели: 1) спасти и сохранить Каз-во, 2) найти и устроить такую форму бытия Каз-ва, какая способна обеспечить максимальное и всестороннее развитие всех творческих сил Каз-ва. Наши, каждого из нас, задачи сегодняшнего дня: 1) самообразование, самовоспитание и самоорганизация. На каждом из нас лежит тяжкая ответственность, сыновний долг перед Каз-вом: быть ему полезным, помочь ему выйти из того трагического положения, в котором оно сейчас очутилось. А помочь мы можем только тогда, когда мы будем образованы, политически воспитаны и способны к организованной жизни; 2) проявлять инициативу, способствовать и создавать всюду казачьи политические группы и организации. А когда сорганизуемся, когда будет налицо достаточное количество таких организаций — попытаться созвать в эмиграции, из представителей этих организаций, Зарубежный Казачий Круг. Это будет началом великого дела, выходом на прямой путь, который ведет к освобождению Каз-ва. С мнением, с такой организованной волей Каз-ва будут считаться все. Наше спасение — надежда только на свою силу, организованность и на моральную поддержку культурного мира. Россия старая имела единую и твердую казачью политику — расказачивание казаков, превращение свободных и вольных людей в служилое сословие. Той же политикой руководствовались вожди „белого движения". Мы все хорошо помним страшную новороссийскую трагедию, кровавую казачью эпопею, закончившуюся страшным несчастьем и казаков и калмыков, которые были брошены на произвол судьбы, на растерзание жестоких врагов, а все добровольцы были вывезены. Ту же „истинно-русскую" политику в отношении Казачества мы видим и здесь, в эмиграции. Поэтому, нам, казакам, в этом русском политическом лагере друзей и благожелателей не найти. Поэтому мы обязаны ориентироваться только на самих себя, организовывать свои силы, определять свой казачий путь и быть готовым к той развязке, которая ожидается всем миром, чтобы достойно защитить свои интересы, добиться лучшего будущего для Каз-ва. Для этого есть только один путь, это — путь Вольного Казачества. Сейчас происходит мертвая хватка между двумя враждебными мирами — миром буржуазным и миром коммунистическим, т. е. с СССР, который является угрозой всему миру. В этой схватке, я считаю, победителем останется мир буржуазный, располагающий огромной техникой. В результате этой победы Россия будет не такою, какою желают видеть ее русские „патриоты" в эмиграции. Будет 3-4 государства: Великороссия, Украина, Белоруссия, Сибирь и, если мы, казаки, к тому времени подготовимся сорганизуемся и сумеем достойно защитить свои интересы, то и казачье государство — Казакия. А для этого мы должны об'единиться в единую мощную казачью политическую организацию, начав это дело об'единения с низов, так сказать, с первичных клеток... Я знаю, что некоторые из нас любят говорить, что политика для нас вредна, она нам не нужна, все несчастье наше, мол, от того, что мы стали политиками, предки наши не знали политики и т. д. и т. п. Это совершенно неверно. Предки наши жили в совершенно других условиях и для своего времени они были хорошими политиками. В наше время условия жизни иные; если мы не будем владеть хорошо политическим искусством, то мы будем всегда затерты и, в конце концов, погибнем. К своему несчастью, мы политику не знали, ею не занимались, а умели только хорошо действовать оружием и послушно идти туда, куда укажут нам чужие „политики". И когда настало для нас время гармонически сочетать действие нашего оружия с действием политического искусства — мы оказались беспомощными и пришли к краху. Чтобы этот крах снова не повторился, нам нужно стать хорошими политиками, уметь политически организовываться. Пример — большевики. Ничтожное меньшинство, но политически хорошо организованное, властвует над огромным неорганизованным большинством. Нам нужно поучиться у них, мы обязаны научиться организовываться и умело вести широкую пропаганду своей идеи, своей программы...

Зборонский: В прошлый раз один из выступавших здесь говорил, что казаков душил и „белый лапоть" и „красный лапоть". Мне хотелось знать — кого он имел в виду, когда говорил о „белом лапте"? Если он имел в виду Россию периода последнего покойного императора, то я с этим решительно не согласен, ибо я лично служил у него, в его личном конвое. Нам, казакам, в его время плохо не жилось и я искренно желал бы своим детям жить так, как мы жили при покойном императоре. Он нам зла не сделал. Неверно, что он нас в полицейских превращал, что нас превращал в орудие подавления русскаго народа, тем натравливал последнего на нас (Якименко: Прочитайте книгу Гурко — „Царь и царица"). Читал и много другое читал о его жизни. Там больше клеветы, нежели правды. К моему сожалению, это время теперь не вернется, это — строй прошлого. Если говоривший тогда имел в виду белую армию, Деникина и др., то я с ним согласен. Они давили нас... Что же касается „красного лаптя", то я сам первым восстал против него, боролся до

последней возможности и готов когда угодно снова стать на борьбу с ним...

Сташко: Об этих самих лаптях говорил я и от своих слов не отказываюсь. Повторяю я их и теперь. „Белый лапоть" — Россия всех периодов, до большевицкого, когда, по праву преемственности, вступил в законное наследство „красный лапоть". Я утверждаю, что Россия всех периодов душила нас, казаков, извращала духовный облик казака, уничтожала, вытравливала внутреннюю казачью сущность... Это известно всем...

Чертков: Вы (обращается к Збронскому) так говорите потому, что вас, природного казака, успел так перевоспитать Петербург, сумел он вам внушить свое „искреннее благоволение" к казакам. И меня так воспитывали. Начиная со школьной скамьи и кончая службой, мы ничего не слышали о казачьей истории, о казачьих правах и интересах, нам это не позволялось. Если нужно было говорить о казачьих делах, то нужно было забираться куда нибудь подальше... Из нас упорно и искусно вытравливали все казачье, пичкали всем русским, воспитывали в русском духе, а не в казачьем. Нас воспитывали быть бичем...

Збронский: Бичем чего?

Чертков: Бичем русского народа... Этот русский народ, полицействовать над которым нас учили, ныне признал власть „красного лаптя", которая истребляет Каз-во, а здесь в эмиграции, только изгнанный класс народа, нас учивший бить народ. И нечего нам перед ним расшаркиваться. Мы должны вернуться к самому себе, к своему казачьему. Если мы не перевоспитаемся на казачий лад, то нет Казачества. Русские это отлично понимают, они с своей точки зрения правы и действуют правильно. Мы тоже должны научиться правильно действовать, избрать правильный путь...

Гладков: К сожалению, я на самом докладе не был. Мне кажутся странными намечаемые докладчиком пути спасения Казачества; они уклончивы, не освещаются достаточно. Все мы, казаки, даже настраиваясь самостийно, упускаем одно — связь Каз ва с Россией. И сами самостийники, решая казачий вопрос, не могут отречься от вопроса: что будет с Россией? Значит, судьба Каз-ва тесно перешлелась с судьбою России. Этим доказывается, что решение казачьих вопросов зависит от того, как завершится русская революция. Мы все любим ссылаться на склоку, происходящую в среде русской эмиграции. Но мы не должны закрывать глаза на то, что и в среде казачьей эмиграции неблагополучно. Если в русской эмиграции неблагополучно, то у нас трижды неблагополучно. Конечно, всех нас об'единяет слово казак, тут у нас нет деления, а деления на монархистов, демократов, социалистов я считаю несерьезным, поверхностным. Но в целях у нас серьезные расхождения. Одни добиваются Казакии, другие — автономии, третьи — федерации. Здесь, очевидно, трудно найти общий язык, хотя все мы желаем блага Каз-ву. Вот о С'езде. Он, конечно, очень желателен, но кто его будет созывать? Берет ли на себя эту миссию только В. К.? или будет иметь место сговор. Если эту миссию возьмет только В. К. и, выставив определенные лозунги, скажет: кто их разделяет, тот может принять участие, — это одно. Тогда можно сказать, что ничего из этого не выйдет. Сговариваются обычно до выставления лозунгов. Образование Казакии по моему вредно. Почему? Да вот как раз по тем самым соображениям, о которых сегодня говорил докладчик. Я с ним вполне согласен, что после предстоящей „мертвой хватки" победитель — буржуазный мир продиктует свою волю России и сделает ее такою, какою он хочет видеть ее. В этом ничего необычного нет, так поступают все победители. Но, согласитесь, продиктовать свою волю Казакии будет еще легче. Если это случится, то наши потомки нас проклянут... Я совершенно согласен с определением докладчиком статьи г. Алексеева в „Возрождении". Да, совершенно верно, русские нас, казаков, затирали, затирают и будут затирать. Но и это обычное явление — сильный всегда давит слабого. Какой отсюда вывод? Да тот, что всем казакам необходимо об'единиться, выставить определенные требования и их защищать единым фронтом. Таким, способным всех об'единить, требованием, по моему, может быть широкое казачье самоуправление, в качестве равноправного со всеми другими народами штата российской федерации. Если русские на это не пойдут, то мы можем и обязаны защищать свое требование вплоть до вооруженной борьбы. В этом отношении и я самостийник. Я не согласен с докладчиком. Я не хочу быть политиком. Это вредно, мы не доросли до политики, а занимаемся только политиканством. Я не удивляюсь, что Алексеев в „Возр." передернул. И мы сами несвободны от этих передержек. И „сам" Мельников занимается этим передергиванием. Всюду и везде передергивают. Это обычное явление. Почему? Потому что это выгодно: если не последует немедленного опровержения (что всегда бывает), будут принимать за чистую монету. Трудно нам добиться единого казачьего фронта. Мы уже друг с другом не говорим искренно, подходим друг к другу с заранее обдуманным намерением. До тех пор, пока мы не освободимся от этого, у нас ничего не выйдет. Я также не согласен с докладчиком, что нам нужна пропаганда, ибо пропаганда только разрушает, а не созидает (?). Докладчик указывал на пример пропаганды большевиков, но они только разрушили, но не создали...

Лысенков: Противники В. К. всегда нам говорят, что казакам нужна „Единая, Неделимая", которая пожалует нам беспримерные блага. Что это за единая неделимая Россия, которая, вдруг, воспылала нежной любовью к казакам? Я не буду ссылаться на „В. К.". Только укажу на того же самого Мельникова, который, как здесь говорили, занимается передержками. Он перебирал Россию всех периодов, ее „казачью политику" и как дважды два — четыре доказал, что все они (России разных периодов) беспощадно били и бьют казаков. Чтобы казаки ни делали, какие бы заслуги за ними ни были, все равно бьют их нещадно. Именно поэтому, что нас постоянно били, а не учили, мы не знали политики, не научились ей. Некогда было — надо было служить „матушке" России. Гладков говорит, что мы только политиканствуем. Пусть! Если из нашего политиканства выйдет хоть один настоящий политик, то и это большое дело. Только из за одного этого стоит нам заниматься политиканством. Ведь теперь везде и всюду пришли к сознанию, что без политики нет жизни. Тот же самый Милюков все время твердит о предстоящей политической борьбе, призывает знать политику. И мы, казаки, если не хотим умереть, должны научиться политике. Жаль, что Гладков говорит, что казаки уже друг другу не верят, что в этом вся наша трагедия. Я все таки думаю, что это не соответствует действительности. По крайней мере, я могу утверждать, что среди вольных казаков этого нет и не должно быть, они друг к другу подходят с открытой душой. Нам все говорят о спасении России и имеют в виду, что спасать то ее будут „казачки". Задайте, братья, себе вопрос и искренне на него ответьте: если бы случилось так, что мы освободили бы свои Края, а вас стали бы просить идти „вызволять" Россию — пошел ли бы кто из вас на Москву? Никто! Безразлично — будь то казак-монархист, демократ, социалист. Нас упрекают, что мы не политики, что мы не способны на серьезное политическое дело. Я спрашиваю вас — где были те сегодняшние политики, которые ныне претендуют на роль „вождей", тогда, когда казаки восставали под командой простых урядников и изгоняли большевиков, освобождали свою землю? Они были в бегах и в погребах! А когда „казачки" освободили свои Края, пришли к нам „настоящие" политики, сели на наши шеи и... вместе с собой привели нас в Париж. А теперь те „настоящие" политики, которые кричат об освобождении России, пойдут ли ее спасать? Нет же! Как же я пойду спасать Россию для таких господ, которые, затем, стали бы бить нас же, казаков за наши „освободительныые заслуги"? Брали и разбирали все периоды России и выходит, что сами русские люди ничего не делают. Все за них делали „казачки", получая за это удары. Если бы русские патриоты хотели бы освободить Россию и во имя ее готовы были бы на жертву, то разве они не в состоянии были сделать у себя так, как казаки сделали тогда у себя? Конечно, могли, но они палец о палец не ударили. Пожалуй они и не способны это сделать... Мы много казачьей крови пролили за Россию. Так неужели мы

теперь не можем подумать, наконец, о себе, о своей собственной судьбе! Здесь спрашивали — кто созовет С'езд? Конечно, созовут казаки, созовут те, которые сумеют сорганизоваться. Конечно, будут собираться на С'езд казаки. Но это вопрос будущего, до этого предстоит много подготовительной организационной работы, главным образом, самоорганизации самих казаков. Нас пугают, например проф. Марков, что при самостоятельной жизни мы задохнемся от своего богатства, потому что Россия для нас рынок свой закроет. Но ведь это аргумент, рассчитанный для детей или подтасовка, пускание туману... О пропаганде. Нас спрашивают -- какая пропаганда и для чего она? Конечно, вообще пропаганда нам нужна для того, чтобы мир узнал подлинную сущность казака, казачью природу, его цели и задачи. Нам нужно обрести свое казачье лицо, свой казачий путь. Какое же это преступление? Разве преступление, что Латвия, Литва, Чехословакия и др. сумели освободиться и теперь живут свободной, самостоятельной жизнью? Поэтому и у нас имеется только один путь — путь казачьей самостоятельности.

Чертков: Кого били „зеленые"? Я сам „зеленый" и могу сказать — кого они били (с места: „бело-зеленый" или „красно-зеленый"?). Я был только „зеленый", били мы только тех, кто шел против казаков (голос с места: они и казаков били!). Какая причина вызвала движение „зеленых"? Их было много, но главными из них было две: расправа Врангеля с Кубанской Радой и „твердая цена" на хлеб: Деникин нашим кубанским хлебом одевал и содержал своих добровольцев, а нам одежду привозили из дома так как „белые" нам ничего не давали...

Якименко: По толкованию Гладкова выходит, что наша пропаганда непременно примет партийный, деспотический характер, как у большевиков. Это неверно. Наша пропаганда не такая, мы хотим только, чтобы нас, казаков, понимали правильно. О С'езде. Между прочим, это только проект. Если удастся созвать такой С'езд, то он должен быть хорошо организован. Перед нами пример краха „Русского Зарубежного С'езда". Мы не хотим С'езда с такими результатами. На „Зар. С'езд" Атаманы не пошли, поняв затею старых профессоров. Мы приветствовали это их решение. Но, казаки там все таки были представлены. Краснов с трибуны кричал. Сычев пошел еще дальше и говорил: хотя Атаманов здесь нет, но Каз-во с вами и низко кланяется национальной России, даже поклонился (голос с места: и заплакал!). Кто будет созывать С'езд? Вопрос интересный. Вольные казаки проявляют инициативу и пытаются созвать его. Удастся или нет — это другой вопрос. Когда это осуществится — тоже вопрос будущего. Вопрос — пойдут или нет туда все казачьи течения — зависит от того, что предложат инициаторы. В 17 году власть „валялась на улице" и захватили ее те, кто были организованее других и сумели выставить заманчивые лозунги. Если удастся созвать Зарубежный Круг, то туда обязаны придти и Атаманы. Если они не пойдут, то казаки могут потребовать от них ответа — почему не пошли и что вы противопоставляете?

Гладков: Правда, что нас учили быть бичем. Но кто учил? Лапотники! Кого бить? Лапотников! Это абсурд, но это так. Это была своеобразная система. Казаки были военным сословием .. Зеленых и я знал. Сам в 20 году был „бело-зеленым" и у Пилюка были мои хорошие приятели. Неверно, что они казаков не били. Били! Здесь Лысенков, говоря о С'езде, сказал, что, если вы несогласны, то можете не приходить на С'езд. Вот это как раз то, о чем я говорил — он выйдет однобоким, только продемонстрирует казачий разлад. Лысенков говорил, что автономисты и федералисты, по большевицки, обещают казакам много...

Лысенков (с места): Это неверно. Я говорил, что „другие партии обещают казакам автономию, федерацию, как в свое время давали много обещаний большевики"...

Гладков: И это равносильно приближению их к большевикам (тут возникает между ними препирательство, отрицание и утверждение, толкование смысла слов)... Здесь говорили — пойдут ли казаки „вызволять" Москву? Конечно не пойдут. Я это утверждаю. Но я ставлю другой вопрос: помогут ли русские казакам? Я также утверждаю — никогда! Значит, между ними рознь, вражда. А это вредно и тем и другим...

Скобелин: Братья, казаки! Прежде всего — больше веры в свое дело, в свою силу. Никто нам о нашей казачьей силе не говорил, никто нам не указывал на правильный казачий путь. Мы брели в разброд, по бездорожью, по чужим указкам, не знали своей силы. И только три года тому назад В. К. сказало о нашей силе, указало нам на единственно-правильный наш казачий путь и прямо сказало — казачья самостоятельность. Я радуюсь, что несмотря на такой короткий срок, В. К. уже пожинает плоды, лавры, можно сказать, лавры победы. Во всяком случае нас, вольных казаков, сейчас в тысячу раз больше, чем было, например, в 1918 году. Тогда их было только два: Кулабухов и Рябовол. У нас имеются противники. Кто же они? Да те же наши, казаки, да еще прикрывающиеся народоправством, но которые не желают считаться с волею этого самого народа. Пример — Мельников. Осуществляет ли он народоправство, есть ли в его „Каз. Союзе" кубанцы? Нет и не будет! Нам говорят, что политика нам не нужна, она вредна и т. д. Но знайте, что политика — подступ к победе. Без политики нет победы. Она так же нужна, как нужен хлеб насущный. Хлеб питает физическое тело, а политика — пища духовная. Проповедь, отвергающая политику, вредна. Благодаря тому, что мы политически не были подготовлены мы выбирали себе таких атаманов, которые затем нас обманывали. Был Краснов, который, чтобы заслужить доверие казаков, приобрести популярность среди казачьей массы, пел красивую песню о казачьих вольностях, играл в самостийность, с Вильгельмом говорил, как равный с равным. А потом, когда это доверие было приобретено, запел о русском царе. Потом выбрали Богаевского. Что он сделал и до сих пор делает — все мы знаем. Благодаря им мы очутились здесь. Нам, чтобы снова не проделать поход от Орла до Парижа, необходимо учиться политике. Здесь говорили о федерации. С кем и как говорить о ней? Говорящие так, на какие русские политические течения рассчитывают? Их нет! Вот вам газета Милюкова „Последние Новости", орган русского либерализма. Что обещает это течение нам, казакам? Ни автономии, ни федерации, а только „оттенки автономии". Если хотите, можете прочитать вот в этом номере газеты об этом самом обещании. А что такое „оттенки автономии"? Я не знаю, была ли у вас, братья-кубанцы, Рада при царе? Но у нас был Круг. Туда выбирали людей. А что делал этот Круг? Ездил раз в год на парад, тем и кончались все его обязанности. Вот вам „оттенки автономии", вот что сулит нам центральное русское либерально-демократическое течение. Братья, казаки, пора нам бросить всякие экивоки в сторону Москвы, пора нам отказаться от своей иллюзорной надежды, что мы от русских дождемся признания своих казачьих прав на автономию, федерацию и т. д. Надо отказаться от старой привычки мыслить по-московски и начать думать по нашему, по-казачьему, обрести свое казачье лицо, стать на свой казачий путь, на какой указывает В. К...

Балинов: Я говорил на прошлом собрании и совершенно не собирался сегодня говорить. Но, выслушав станичника Гладкова, считаю необходимым ответить на два его замечания, на первый взгляд кажущиеся такими убедительными. В общем, мы собрались здесь с желанием петь за здравие, но пришел станичник Гладков и пропел нам за упокой. Гладков подхватил утверждение докладчика, что победитель — буржуазный мир — продиктует свою волю России. Он с этим вполне соглашается и утверждает, что это так и будет, и на этом построил свое отрицание самостийности. Он говорит, если буржуазный мир способен продиктовать свою волю всей России и обессилить ее, то со слабым, в сравнении с Россией, казачьим государством тем легче справиться и совсем, мол, уничтожить, за что нас будут проклинать потомки. Но это только так кажется на первый взгляд. Для того, чтобы разобраться, что это не так, достаточно уяснить себе природу и сущность, цели и задачи Великой России и Казачества. Тот буржуазный мир, „диктовки" которого так боится Глад-

ков, конечно, прекрасно знает различие между целями и задачами Великой России и Каз-ва и на этом своем знании строит и свое различное отношение и к России и к Каз-ву. Какая же эта разница? Да такая, что „Великая Россия“ — величайшая угроза всем современным державам, „делающим“ политику буржуазного мира. Она им опасна и, если они победят коммунистов, то сделают так, чтобы восстановилась такая Россия, которая не стала бы угрожать им, ибо они знают, что в случае восстановления Великой России, она, как теперь большевики, непременно пожелает диктовать свою волю всему миру. Вот в чем выразится та воля победителей, которой так боится Гладков. Они не задавят русский (великорусский) народ да и нельзя этого сделать, а лишь лишат русских „патриотов“ возможности властвовать над другими народами. Эта воля не страшна для великорусского народа, если он пожелает жить мирно, на равных правах со всеми другими, не претендуя на роль „первой скрипки“ на мировом концерте. Скажу больше, что бы над русским (великорусским) народом ни проделывали, он не умрет, будет существовать, но не так обстоит дело с Казачеством.

А цели Каз-ва скромные. Оно желает спокойно и мирно жить под солнцем на своей земле, по своему разуму, по своей воле, по старому „казачьему присуду“ ни чьему величию не угрожая, никого не подавляя и само ни от кого не завися. Если победитель — буржуазный мир — и будет „диктовать“ свою волю Казачеству, так „продиктует“ как раз то, чего сами казаки желают, т. е. самостоятельное казачье государство, живущее в мирном, братском сожительстве со всеми другими народами.

Если за это, за то, что казаки будут иметь возможность мирно жить, спокойно пользоваться плодами своих трудов, по пророчеству Гладкова, будущее поколение нас будет проклинать, то это не страшно. Неужели можно предположить, что будущие потомки проклянут руководителей национально-освободительного движения Чехословацкого, Польского, Литовского и др. народов? Я так не думаю.

Наши противники вообще очень любят заниматься „логическим развитием“ нашей мысли и, доведя ее до логического абсурда, с победоносным видом разводят руками и спрашивают: вот и пришли к тупику, а что же дальше? Вообще говоря, всякую мысль можно доводить до логического абсурда. Так сегодня и станичник Гладков занялся „логическим развитием“ нашей, самостийников, мысли. Он спрашивал нас: вы — защитники идеи самоопределения народов, на этом основании добиваетесь установления казачьего государства — Казакии. Но вот на казачьей территории, в отдельных казачьих Войсках живут другие народы: черкесы на Кубани, калмыки на Дону и другие национальные группы. Вы обязаны предоставить им всем право на самоопределение. И будут внутри каждого Войска отдельные республики, а там, смотри, и каждая станица пожелает стать республикой. К такому абсурду он пришел путем „логического развития“ нашей мысли. Вот сейчас, в этом помещении, я прочитал второй номер журнала „Р. К.“, где г. Мельников разводит с особенным злым привкусом демагогию на эту же тему. Он пишет, что на своем докладе, он, якобы, спрашивал меня: куда я хочу увести донских калмыков, оторвав их от Донского Казачества. Во-первых, так он вопрос не ставил, а во-вторых, я ему там же ясно и определенно ответил, что мы никуда уходить от Дон. Каз-ва не собираемся, а как раз наоборот — еще больше желаем закрепить с ним свою старую связь, еще больше расширить ее, распространив ее на весь калмыцкий народ. Если что не досказано было там, то он, Мельников, знает наш определенный взгляд на этот вопрос из нашего калмыцкого журнала „Ковыльные Волны“, где этот вопрос совершенно ясно нами разрешается, где говорится, что донские калмыки остаются в составе Донского Казачества и, если поднимается вопрос о присоединении их к основной массе калмыков, то он должен разрешиться высшим законодательным органом Донского Каз-ва — Донским Войсковым Кругом. Вопрос совершенно ясный, не содержащий в себе никаких двухсмысленностей, не подлежащий никакому талмудическому толкованию. Но вот, тем не менее, г. Мельников умудрился и на этой ясности разводить демагогию, распространять ложь. Я об этом „трюке“ Мельникова здесь публично заявляю.

Я немного уклонился, хотя это в то же самое время является до некоторой степени и ответом станичнику Гладкову. В. К. не собирается доходить до логических абсурдов. Оно мыслит казачье государство из семи основных единиц: Дон, Кубань, Терек, Калмыки, Астрахань, Урал и Оренбург, под единой государственной крышей — Казакии. Раз все они будут находится под одной крышей, то внутригосударственное размежевание теряет свою остроту. Мы надеемся и верим, что жизнь в этом государстве будет хорошая, никто там никого не будет притеснять, подавлять. А от хорошей жизни никто не бежит и, мы верим, что никакая национальная группа претендовать на свою особую „республику“ внутри самого государства, как пророчествует Гладков, не будет. Как обстоит дело на Кубани с черкесами не знаю, но мы, калмыки, бежать от Донского Казачества не собираемся. Мы с донцами двести лет живем вместе, по братски деля с ними и радость и горе. Думаем и дальше продолжать жить так же...

Шелест: задает вопрос: как думают самостийники разрешить внутри национальный вопрос в проектируемом ими казачьем государстве — Казакии? Хорошо, что калмыки так его сами разрешают. Но вот на Кубани живут черкесы, сейчас среди них имеются самостийники горского толка, они не хотят жить вместе с кубанцами...

Калита: Я следил за казачьей историей, много читал, правда, может быть, мало еще знаю в ней. По моему только В. К. пошло по правильному пути. Я уверен, что каждый казак, по зрелом размышлении, с этим согласится, ибо каждый из нас желает жить так, как нам нравится, как нам будет лучше. Для всех ясно, что никто, кроме нас самих, не может устроить нашу жизнь лучше, чем мы сами. Нужно нам смело идти по этому, избранному В. К., пути. Только не нужно нам, казакам, между собой ссориться, неприязнь вызывать...

Збронский задает вопрос: почему кубанцы-самостийники не с атаманом, почему его не поддерживают?

Ему отвечают вопросом: почему он думает, что кубанцы-самостийники не с атаманом?

Лысенков: Не будем касаться кубанского вопроса. Это дело кубанцев. Здесь говорили о калмыках на Дону, черкесах на Кубани. По моему такой вопрос на таком собрании, где собрались люди различных взглядов, поднимать не следуедт и нельзя. Калмыцкий вопрос разрешается легко и он ясен. Что же касается черкесов, то, по моему, если казаки и черкесы желают жить свободно, по братски, то они сумеют договориться, найти общий язык. Они несколько веков жили вместе и теперь они договорятся. Но этот вопрос решится только там. Мы здесь только обмениваемся мнениями...

На этом собрание закрывается.

На 15-е марта в $2^1/_2$ часа дня, в том же помещении (64, rue St Dominique) назначено общее собрание членов Общества Ревнителей Казачества.

(Соб. кор.)

Письмо в редакцию.

Г-н Редактор, не откажите, дайте место этим строкам в „В. К.“

Читая в № 75 журнала „В. К.“ корреспонденцию из Парижа, невольно вспоминаю близкое прошлое, когда я в 1928 г. работал на автомобильном заводе Рено; впервые приобрел этот казачий журнал и в том же номере я нашел себя.

Я стал открытыми и закрытыми путями распространять его среди казаков. Одни из них отворачивались, другие сторонились меня, а казаки-русские и просто русские поносили меня как — самостийника, а некоторые даже лично оскорбляли, но меня это не страшило, ибо я чувствовал, что казачья почва плодотворна.

Да, в то время еще мало было казаков, познавших себя.

А, что теперь... и там же... Отрадно. — Свободно говорят казачьим языком, свободно делают собрания — доклады о казачьей идее.

Видно, что доросли — возмужали, видно, что казачий дух растет — ширится, требует для себя самостоятельности.

Конечно, там есть и сейчас противники, но уже слабее и не столько как это было раньше.

Братья-парижане, приветствую Вас за Вашу казачью смелость и энергию, желаю Вам от своей казачьей души силы и единения на пути к осуществлению идеи Вольного Казачества.

А тем противникам казакам, которые еще не доросли до этого, не окрепли и чувствуют себя еще негодными к самостоятельности — пожелал бы идти под покров мачихи — подрости.

Кубанец **А. Тырин.**

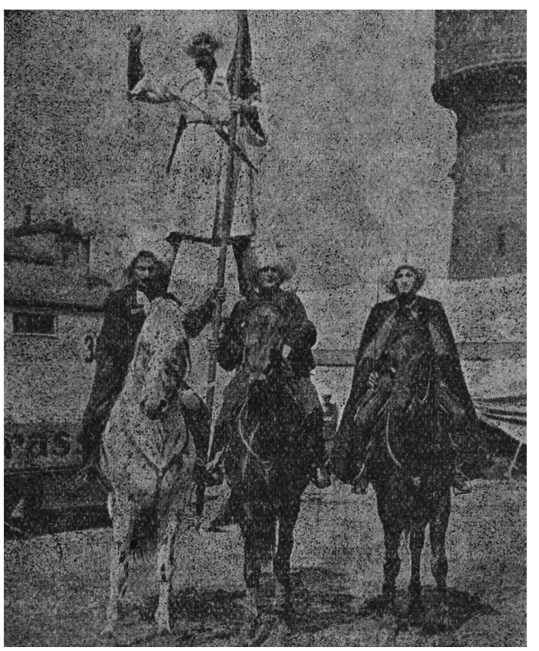
28-II-1931. Германия.

Казаки в Монтаржи.

1 февраля в Общеказачьей станице в Монтаржи Станичный Сбор рассматривал годовой отчет Правления станицы за 1930 г. Приходы станичных сумм выразились в сумме 5001 ф. 60 с. Расходы 3830 ф., остаток на 1 января 1931 г. 1171 ф. 60 с. После доклада ревизионной комиссией своего заключения о проверке делопроизводства станицы, отчет утвержден. Сбор выразил Правлению станицы благодарность. Особо благодарили усиленную работу на благо станицы казначея Н. П. Ивановского и библиотекаря (станица имеет библиотеку в 600 книг) М. К. Попова.

Из свободного остатка станичных сумм отчислено в безвозвратные пособия местной Воскресно-Четверговой школе 100 ф.; больному члену станицы, находящемуся в санатории, В. А. Романовскому 100 ф. и для лечения жены станичного писаря В. С. Самсонова 200 ф.

Ввиду выхода всего состава Правления станицы, Сбор благодарил Правление станицы (возглавляемое атаманом М. В. Леоновым) и отставку принял. При производстве новых выборов избраны: атаманом С. Б. Бембеков (донец), помощниками М. К. Попов (донец) и И. Я. Ралка (кубанец), казначеем З. П. Жогилев (донец), доверенными Г. И. Гапкалов (терец) и А. П. Каргальсков (донец), писарем В. С. Самсонов (донец), помощником писаря Ткаченко (кубанец); в ревизионную комиссию избраны: Хныкин С. С., Фетисов П. А., Равин Д. И., Мельников К. Т.

Группа казаков, джигитующих в цирке „Strassburg" (Германия, Oldenburg i. O.)

Кубанская команда джигитов под командою вахмистра Попова в Германии.

Калмыки в Монтаржи.

Наступило новолуние 17 февраля — великий день калмыцкого „Цаган" и колония их в Монтаржи, в квартире атамана Общеказачьей станицы С. Б. Бембекова, сооралась для совершения, совместно с приехавшим из Парижа священником, молебствия. После богослужения, вспоминая старые дедовские традиции, собрались на чашку чая к старейшему Бембекову.

В приятных воспоминаниях, беседа затянулась до глубокой ночи. Хорошо и приятно видить сплоченную, живущую в изгнании обычаями дедов, калмыцкую семью. Пожелаем им всюду и везде жить так же дружно, как они живут в Монтаржи.

Монтаржи.

15 февраля Общеказачья Станица в Монтаржи поминала почивших Войсковых Атаманов, начальников и всех казаков, на поле брани убитых и скончавшихся. На панихиде присутствовало Правление станицы во главе с Атаманом Бембековым. Было много казаков и калмыков.

Память Каледина в этот день сплотила казачью семью молитвой.

В Марселе.

М. Г. Господин Редактор!

Прошу поместить это письмо ко всеобщему сведению братьев казаков на далекой чужбине. 18 января 1931 г. Обще-Казачьей Марсельской ст-цей была проделана „встряска" и „генеральная чистка" своих рядов. После поставленного короткого и ясного вопроса: Кто за свободное, родное казачество? Кто из казаков — нас, презираег всякие чужие партийные принадлежности и сопряженную с ней грызню между казаками?

Кто против раздирания казачьего тела, — измученного в конец годами невольного и ужасного скитания

в эмиграции? — Тот подними руку и становись вправо. Кто против этого предложения любящих только с в о ю родину и себя — тот оставайся сидеть... Оказалось в результате: 22, в большинстве простые, но сознательные истинно казаки отошли вправо, положив собой ядро Общ.-Каз. Марсельской обновленной станицы. 10 человек во главе с полковн. Роговец, войск. ст. Зориным и др. остались сидеть, т. е. этим было сказано, мол, нам с вольными казаками, т. е. с людьми ищущими свободы и права — н е п о-п у т и и здесь же заявили о выходе.

Кроме этой группы „между небом и землей", образовалась еще одна, вторая — это члены партии „К. В. Д."

Есть и еще одна группа, человек 5—6, так с ними совсем ничего нельзя поделать, им одно: подавай Кирилла и баста...

Итак в Марселе казаки просто, ясно и понятно разобрались в том, кто это на протяжении целых годов в Общ.-Каз. Марс. ст. воду мутит.

Вот и нашли „рыбку" и выловили и выбросили сушиться на берег, а очищенные стройные ряды станичников, хотя и медленно, но, взаимно поддерживая и вполне доверяя друг другу, — движутся вперед.

Оно не напрасно в старину говорилось что: после бани, как-то легче себя чувствуешь.

Наш совет, это вообще нужно было бы всем казакам и везде проверять свои ряды и почаще в „очистительную" баню заглядывать, тогда вам будет „как-то легче".

Вр. исп. дол. атамана Общ.-каз. Мар. станицы:

Д. Ветров.

В Белграде.

14 февраля с. г. в Белграде в русской православной церкве была отслужена панихида по Вождям Казачества и всем казакам павшим в борьбе за Родные края. На панихиде присутствовали Кубанский и Терский Войсковые Атаманы и много казаков всех Войск.

В Казакии.

Большевицкое строительство.

Для характеристики „работы" оккупантов Казачьих Земель помещаем ниже несколько речей с недавно состоявшегося в Ростове Краевого с'езда Советов („Молот" от 21 февраля).

Выступление Т. Смоляка (Азовский район).

Азовский район находится по своему географическому расположению в довольно благоприятных условиях для разведения животноводства — крупного молочного скота. По специализации наш район признан полеводческим, животноводческим и рыбацким. Но, когда мы ставим перед соответствующими краевыми организациями вопрос об отпуске нам кредитов на животноводство, имея в виду, что мы должны у себя развивать действительно крупное животноводство, молочное животноводство, нам отпускают кредиты в 100 тыс. рублей на овцеводство. Когда мы ставим перед краем вопрос о разрешении израсходовать эти средства на крупное животноводство, нам это категорически запрещают. Дали 100 тысяч рублей, но они лежат. Нам предлагают разводить овец, но район этим никогда не занимался, и не приспособлен к этому. Наш район должен заняться крупным животноводством, чтобы снабжать Ростов и Таганрог мясом и молочными продуктами.

Второй вопрос это — взаимоотношение нашей рыбацкой системы с полеводческой системой. Этот вопрос в Азовском районе стоит особенно остро. Если взять валовую доходность, то наш район заготовил хлеба на 2 милл. рублей, а рыбацкое хозяйство в переводе на деньги дает свыше 4 с половиной милл. рублей.

Крайрыбаксоюз ставит вопрос перед соответствующими организациями, — скажем, перед Крайисполкомом и Москвой, но наш рыбак до сих пор не знает, что ему делать. Не то ему быть в полеводческом колхозе, не то в рыбацком. Сплошь и рядом бывают такие случаи, что жена состоит в колхозе полеводческом, а глава семьи — рыбак состоит в колхозе рыбаков. Жена об'единила в колхозе по положению всю тягловую силу (лошадь и другое), а рыбак об'единил там сетку и в результате получается, что рыбаку нужна лошадь, чтобы выехать в море, но так как эта лошадь обобществлена в полеводческой системе, то он этой лошади не имеет. Полеводческий колхоз эту лошадь не дает, мотивируя нехваткой кормов. Надо прямо сказать, что эти две системы особенно в нашем районе должны в конце концов получить свое, кто чем должен заниматься, кому что должно принадлежать. Этот вопрос для района является очень важным и, если мы не получим разрешение его в ближайшее время, затянется и коллективизация и выполнение планов.

И последнее, это — механизация рыбацкого дела. До сих пор механизация рыбацкого дела не проведена до сих пор рыба ловится по-старинке, волокуша тянется живой силой и быками. Была попытка это дело как-то механизировать, но абсолютно ничего не сделано. Прислали один мотор, но он оказался негодным, в результате этот мотор не дал тех результатов, которые мы должны были получить.

Я считаю, что краевой с'езд обратит внимание на механизацию рыбацкого дела, иначе трудно допотопными способами полностью обеспечить снабжение рыбой, которая на сегодняшний день является одним из основных продуктов, заменяющих мясо.

Т о в. З а х а р о в. (Владикавказский сельхозинститут). Какие у нас имеются недостатки в подготовке кадров для сельского хозяйства? До сего времени наш ВУЗ не выполняет тех задач, которые перед ним поставлены.

В 30 году мы комплектовали ВУЗ с большим трудом. Советские и профессиональные организации горских областей принимали слабое участие в этой работе. Наши представители раз'езжаются по нацобластям и занимаются вербовкой. Систематическая работа на местах не проводится. Надо в каждой области создать курсы по подготовке в ВУЗ, нужно создать рабфаки. В будущем году мы должны принять 600 человек. Помимо того, что на местах не ведется никакой подготовительной работы, мы даже не имеем достаточного оборудования. Крайзу и Крайисполком должны обратить серьезное внимание на это дело и своевременно дать ассигнования как денежные, так и дефицитных материалов для строительства новых общежитий и новых зданий. У нас недостаточно серьезное внимание обращается на качество подготовки специалистов. Мы обращались в Крайзу и другие хозяйственные организации с требованием, чтобы студентов нашего ВУЗ'а прикрепили для практики, но до сих пор это не сделано.

Т о в. Н о в о р у н а с (Красная Армия). Тов. Сталин на последней конференции хозяйственников поставил вопрос о том, что очередным звеном в нашей работе является овладение техникой. Без этого мы дальше двигаться не можем. Вот эту задачу, поставленную тов. Сталиным, в области овладения техникой, нужно перевести и на сельское хозяйство. Надо овладеть всеми научными средствами, всеми техническими возможностями, которые имеются в нашем распоряжении. Надо поставить вопрос о сохранении той техники, которая нам дается для социалистического колхозного строительства. Нужно прямо сказать, что сельско-хозяйственные орудия и тракторы в наших колхозах и иногда в совхозах сохраняются очень плохо и отношение к инвентарю иногда бывает варварское. Бывает так, что десятки тракторов стоят под открытым небом, ржавеют, портятся, а это значит, что через год они выйдут

из строя, потому что мы к ним относимся чрезвычайно небрежно. Бывает и так, что ценные сельхоз. орудия в колхозах стоят без всякого присмотра и в этом отношении нашим колхозам, если хотите, нужно поучиться у Красной армии. Красная армия сохраняет технику и несет за нее ответственность. Надо поставить резко вопрос, чтобы ответственность за технику была значительно повышена. Несмотря на то, что трактор сейчас особенно усиленно внедряется в наше сельское хозяйство, все же лошадь еще является главной тягловой силой и требует к себе особого внимания.

Т. Беседин. Хлопок — новая культура. Это сырьевая база для нашей промышленности. В Чечне один гектар хлопка дал крестьянскому хозяйству в среднем 200 рублей дохода, а один гектар пшеницы всего 50 рублей. Это говорит о том, какие большие возможности имеются в нашем крае для развертывания хлопководства.

Одновременно надо заострить вопрос на развитии огородных культур. В Грозном имеется, примерно, 15 тысяч га земли, на которой сейчас сеется пшеница и кукуруза. И сейчас надо поставить вопрос о том, чтобы эти 15 тысяч га земли, дающие очень небольшие доходы, в ближайшее время использовать под садово-огородные культуры. Этим самым мы разрешим проблему снабжения пролетарского центра.

Речь тов. Репиной (колхозница Темрюкского района).

Товарищи, я, колхозница Темрюкского района, первая среди женщин вступила в Темрюкский колхоз.

Мы не пали духом, начали работать и на осень, что было государством задано, до одной десятины выорали. Сначала только 100 семей вступили в колхоза, к весне оказалось уже 200 семей, потом начали прибавляться.

Нам нужно было идти в красную борозду и иметь с другой шестидворкой соцсоревнование. Бригадир говорит, что он приказал своим кучерам и конюхам все приготовить. Но сам он был там? Говорит: зайду. Пришлось женщине этим не удовлетвориться, она в 3 часа вставала и проверяла этот фронт. Приходит, смотрит, ничего не готово, а нужно выезжать на соревнование. Тогда она спрашивает у старосты. А он говорит: какое тебе дело, иди спать. Но кто же поедет в красную борозду? — Не твое дело. Когда надо было уже ехать, конюхи по домам разбежались, а эта женщина пошла, запрягла и мы вышли по соцсоревнованию с выполнением на 100 процентов.

В наши колеса все время кулаки вставляли спицы. Все время над нами издевались и когда был крепко поставлен вопрос: быть или не быть, или спекулировать или быть в колхозе, то на второй день после этого вместо 13 человек, на работу вышло 18, а потом 20, а у нас считается всех 40 человек.

Войдя в колхоз, вот что мы сделали на этот год.

Мы первым долгом занялись своим хозяйством, купили молотилки, построили свою кузницу. У нас своя плотницкая, своя столовая, кооперативная лавка — все свое.

Мы хозяйничаем и когда уже начали орать, видим, что там заседают и заседают. Что вы делаете? Яйца делим из под кур. Ну ладно.

Купили в свой колхоз за свою прибыль 40 коров, 40 маток свиней, 20 лошадей. У нас имеется около 3000 руб. прибыли, которую должны раздавать и наверное с 15-го уже раздадим по трудодням. Кто сколько наробил тот столько и получит, а те, кто дома пирожки жарят, те пусть пирожками и удовлетворяются.

Да здравствуют колхозы! Да здравствуют трудящиеся, которые идут в колхозы! (аплодисменты).

Казаки! Подписывайтесь на свой журнал „Вольное Казачество-Вільне Козацтво“.

Открыта подписка на 1931 год

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	30 фр.	50 фр.
В других странах	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha - Vinohrady, Fochova, 130. Tchécoslovaquie.
Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Казаки!
Подписывайтесь на свой журнал „Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.

Vydavatel: Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930. Tiskem knihtiskáře A. Fišera. Praha-Strašnie č. 289.